

М.В. ЕЛИФЁРОВА

ДВОЙНОЙ БРЕНДИ,
Я СЕГОДНЯ ГУЛЯЮ

18+

Мария Елифёрова

Двойной бренди, я сегодня гуляю

«Автор»

2016

Елифёрова М.

Двойной бренди, я сегодня гуляю / М. Елифёрова — «Автор»,
2016

Основатель отечественной фантастики И.А. Ефремов был убеждён, что инопланетяне должны выглядеть совсем как мы. Однако даже максимальное внешнее сходство - не гарантия того, что небольшие различия в физиологии (и более существенные - в культуре) не создадут серьёзных трудностей в общении. Нет, общение с инопланетянами вряд ли будет выглядеть как перестрелка индейцев и ковбоев. Но налаживание совместной работы и личных отношений - нетривиальная задача. Особенно если вы очутились с ними в одной археологической экспедиции. Всем ли разумным расам суждено наступать на грабли ксенофобии? Новая книга автора, скрепящая жанры научной фантастики и университетского романа, пытается ответить на эти вопросы.

© Елифёрова М., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Авторское предисловие	5
ПРОЛОГ	7
1. ЧУЖЕЗЕМЦЫ	10
2. ПЫЛЬНАЯ РАБОТА	13
3. ЧТО ТАКОЕ РАСИЗМ	18
4. КАЗАК	20
5. СЮЖЕТ С ПЕРЕОДЕВАНИЕМ	24
6. ПРОБЕЛ В ТЕРМИНОЛОГИИ	28
7. РОЗА	31
8. ДУРНАЯ ПРИМЕТА	36
9. НЕСОВМЕСТИМЫЕ ПАРАМЕТРЫ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Мария Елифёрова

Двойной бренди, я сегодня гуляю

Авторское предисловие

Читатели, которые знают меня по романам «Смерть автора» и «Страшная Эдда», интересуются, пишу ли я ещё что-нибудь и почему я «замолчала». На самом деле я не замолчала, просто третий роман оказалось непросто закончить в силу ряда обстоятельств.

Роман этот был задуман ещё в 1996 году, и тогда же была в общих чертах написана марсианская часть, носившая название «Красный свитер Марса». Многие основные персонажи нарисовались ещё тогда, хотя в литературном отношении этот опус был весьма незрелым. Позднее было придумано любовно-детективное продолжение, действие которого происходило уже в другой звёздной системе; оно, однако, осталось ненаписанным. В 2009 году я вернулась к замыслу и решила объединить оба сюжета в одном романе.

С 1996 года многое изменилось – как в нашей жизни, так и в наших знаниях о Марсе: в последней области уже невозможно фантазировать по своей прихоти (напомню, что первая версия романа была написана даже до миссии «Патфайндера»). В итоге красному свитеру, игравшему значительную роль в первоначальной редакции, пришлось исчезнуть из сюжета, и роман получил название «Двойной бренди, я сегодня гуляю». Я, однако, решила сохранить внешний облик и характер главного героя, поскольку на нём завязано слишком многое. Работа над новой версией затянулась несколько дольше, чем планировалось.

Как известно, фантастика обычно повествует о будущем. Но не менее верно и то, что, пытаясь изображать будущее, фантасты неизменно проецируют на него настоящее – и чем больше они стремятся нафантазировать, тем чаще попадают впросак. Довольно комично в наши дни смотрятся рассказы шестидесятых годов, где космолётчики третьего тысячелетия пользуются перфокартами (наверное, уже не все нынешние читатели знают, что это такое). Именно поэтому я не претендую на роль футуролога и не вижу своей задачи в том, чтобы поражать воображение читателей небывалыми технологиями. Мои представления о будущем довольно скромны. Скорее всего, люди будут жить по 120-130 лет, англичане всё же перейдут на метрическую систему, компьютеры будут скатываться в трубочку, а все необходимые гаджеты – помещаться в поясе. Однако с инопланетянами в этом будущем всё-таки познакомятся, о том и роман. А что больше всего волнует читателя фантастических романов, как не инопланетяне?

Наверное, стоит пояснить, почему главного героя зовут Виктор и почему он так выглядит. Ответ прост: имя и внешность персонажа мне приснились ещё двадцать лет назад, вместе с некоторыми идеями для романа. Мир, к которому он принадлежит, был придуман уже наяву и гораздо позже.

Разумеется, в романе есть любовная линия – как же без неё? Вопрос любви между представителями разных планет волнует фантастов со стародавних времён «Аэлиты» Алексея Толстого. И поскольку читатели склонны во всех любовных сюжетах – даже фантастических – искать автобиографическую подкладку, заранее сообщаю: Лика Мальцева – не моё альтер-эго. Из всех её чувств и мыслей автору принадлежит только стишок про зайца. Если кто в романе и писан хотя бы отчасти непосредственно с меня, то это Мэлори.

Что касается главного героя, то предоставляю читателю решать, выдуман ли он мной, списан ли с реального прототипа, или он лицо собирательное. Приятного чтения!

*М. Елифёрова,
сентябрь 2016 г.*

ПРОЛОГ

Решили применить кушетку? Не думал, что вы ещё пользуетесь прадедовскими методами. Ладно, как вам будет угодно. Не люблю лежать на спине – чувствую себя в западне. Впрочем, я по-любому в западне. Да, я в курсе, что не стоит мешать виски с транквилизаторами. Ну и что? Было бы вам так хреново, как мне, посмотрел бы я на то, как вы будете блюсти медицинские рекомендации. В конце концов, я-то отдаю себе отчёт в том, что мне хреново. Потому и пришёл.

Как зовут? На кой, у вас же в компьютере всё забито? Ну ладно, Артур Мэлори, сорок восемь лет, профессор археологии Оксфордского университета. Впрочем, вы это и так знаете. Артур Мэлори... Всё равно что Ромео Шекспир. Родители мои в молодости были люди увлекающиеся, вот и назвали Артуром. Но я по части литературоведения не пошёл, занялся археологией. Тогда это было модно, особенно когда одно за другим стали открывать поселения на Марсе. «Поселения», впрочем, громко сказано – остатки разрушенных стен, не больше. На тот момент, по крайней мере.

Что-что? Какие чувства у меня вызывает археология? Да я с женой из-за неё развёлся. Двенадцать лет назад. Ей надоело, что я месяцами пропадаю в экспедициях. Особенно в марсианских. У меня ведь десять марсианских экспедиций на счету, оттого меня и послали руководить этой. Ну так вот, о жене. Она сказала: или археология, или я, – а я ей: пожалуйста, не очень надо было. Так и ушла. Поначалу тяжело было, потом... Игры в секс-шопах сейчас качественные продаются, а чтобы в душу кто-то лез – я и так этого не хочу. Больше не хочу. Пропала потребность.

Как я оказался во главе этой треклятой экспедиции? Спросите лучше тех, кто меня послал. Думаете, я амбициозен или просто дурак, что не понимаю? Ошибаетесь, я не хуже вас знаю, что начальник из меня никакой. Я человек чистой науки и беспокойства не выношу. Но вот такая закавыка: по стандартам безопасности, экспедиции на Марс возглавляют только те, у кого общий стаж марсианской работы свыше трёх лет. А тут ещё барнардцы. Что экспедиция была совместная, вы уже знаете. Из десяти человек – четверо этих, не говорят ни на одном земном языке, кроме маори, и то с трудом. Физиология, видите ли, не позволяет. А собственный их язык звучит как смесь чавканья и фыркканья. Вот то-то.

У меня был опыт работы с барнардцами, но не скажу, чтобы я горел желанием его повторить. И вообще не выношу организационной работы, скрывать нечего. Надо было Миллера посылать, ясно как день – он прирождённый администратор. Но только Миллер на маорийском ни бум-бум, а это катастрофа для экспедиции. На марсианском раскопе через переводчика не пообщаешься. Да и стаж у него не дотягивал... Почему я не отказался? Отказался. Только через неделю меня вызвали на ковёр в комиссию ООН по археологическому наследию Марса, а за столом сидел не кто иной, как Раджив Соьер. Мой бывший ученик, а теперь председатель комиссии. И вот я стою перед ним, как нашкодивший котёнок, а Раджив постукивает «паркером» по столу и с холодной вежливостью осведомляется, почему это я срываю программу, в которую уже вложены деньги.

Я, естественно, отвечаю, что на Марс не хочу и что нет таких полномочий, чтобы меня туда услали против моего желания. Тут он усмехнулся так гаденько и говорит:

«Полномочий, конечно, нет. Но мы с вами ведь знаем друг друга, не так ли?»

И выдаёт мне одну давнюю историю, довольно неприятную. Всё помнил, мерзавец! У меня пот по спине ручьём, а он спокойно говорит:

«Не хотите огласки – подписывайте контракт».

Мстил он мне, вот в чём дело. А впрочем, не в этом... Да, вы правы – я мог бы сопротивляться. Но я не видел смысла. В конце концов, марсианский проект хорошо финансируется. А вы бы сильно сопротивлялись, если бы вам предложили пожить на комфортабельной станции с душевой, столовой и отдельными спальнями? Ну, копать, конечно, приходится в скафандре, но ведь я уже это делал раньше.

В административную работу я вникал по ходу дела. Оказалось, в техническом плане ничего сложного. Следишь за чередованием смен, полевой и лабораторной, составляешь график работ, отправляешь отчёты на Землю. Труднее всего было с техникой безопасности. Сами знаете, какие условия на Марсе. Каждый ляпсус может стоить жизни. Поэтому введена система штрафных баллов. Это не я придумал, системе уже лет восемьдесят. За разные проступки начисляются штрафные баллы, от трёх до пятидесяти. Набрал двести – на три года лишаешься допуска в любые экспедиции, даже земные. А если стажёр, то и стажировка не засчитывается. Жестоко? Ну нет. Помогает отсеять брэдберистов. Кто действительно хочет быть учёным, призадумается. А кто летел на Марс за острыми ощущениями, тому в археологии делать нечего – адью!

Больше всего мне задавали барнардцы. Штрафные они всерьёз не принимали, в особенности Амаи Ори, который развлекался хакерством. Из-за него несколько раз летело программное обеспечение, и я уже подумывал, что выпишу ему волчий билет. Кстати, доктор, вы знаете, что из тридцати шести археологов, погибших за столетие раскопок на Марсе, двадцать восемь были барнардцы?

Да, вы правы. Расслабиться? Расслабиться... Чёрт... Посмотреть на потолок, сосчитать до десяти. Раз, два, три, четыре... Итак, барнардцы. Чёрт их знает, что они такое; про них рассказывают разные небылицы, например, что у них групповые браки и так далее. Насчёт групповых браков не знаю, а вот про складной меч в сапоге правда – на станции в соседнем секторе был такой случай, приехал к ним один с мечом и наотрез отказался сдавать в камеру хранения. У меня такого не случилось, у меня их было три стажёра и одна дама-профессор. С заскоками, конечно. Но я сейчас не про неё.

Уму непостижимо, до чего они похожи на нас. Но вот как у них устроены мозги – этого нормальному человеку не понять. По-моему, сплошная психическая неуравновешенность. Легко ударяются то в хохот, то в слёзы. Но как они киряют! Бухают, поддают – как хотите. Видал в космопорту. Вот такусенький мюмзик выпивает пол-литра коньяка и идёт на регистрацию своими ногами. А что вы хотите, если у них метаболизм сверхскоростной? Пульс сто ударов в минуту. Правда, и живут они недолго. Пятьдесят для них уже глубокая старость.

Да, я слишком отвлёкся на барнардцев. Хотя, может быть, и не слишком – дальше вам будет понятно, в чём дело. Так вот, два месяца мы работали ни шатко ни валко – марсианских месяца, а это четыре земных, – полевой сезон подходил к концу, находок особых не было. С погодой не повезло, одна пыльная буря за другой, как будто не лето, а осень, и нас это здорово тормозило. Когда же наконец установилась более или менее нормальная погода, то до отлёта оставалось недели три. И два необследованных квадрата, на которые толком не хватало времени. Весь график пошёл наперекосяк. Как вдруг я открываю почту дальней связи и вижу письмо от барнардского специалиста. Он, видите ли, желает посетить нашу экспедицию и спрашивает согласия его принять. И подпись: Виктор Лаи, доктор социогуманитарных наук, профессор Объединённого Золотого Университета Республики Таиххэ.

Я предчувствовал, что намайюсь с визитёром, но отказываться невежливо; кроме того, до конца экспедиции оставалось недолго. Подумал-подумал и выслал подтверждение. А он взял и написал в ответ: мол, спасибо, вылетаю. Не думал я, что он так скоро соберётся. Ну ладно. Встал вопрос о том, к какому квадрату приступить – не забрасывать же работу аккуратно перед приездом инопланетного профессора. После часа бесплодных боданий – семнадцатый или двадцать пятый? – мне это надоело, я пресёк дискуссию и велел начинать разведыватель-

ные работы в семнадцатом. Это не всем понравилось, но я там был не для того, чтобы всем нравиться – я не кредитная карточка. Моё дело – координировать всю эту бодягу, и я считаю, что я с этим справлялся. До поры до времени.

Через несколько дней прилетает эта персона. Виктор Лаи. Как видите, не у одного меня родители выпендривались насчёт имён. Только его семейство пошло по части древних римлян. Да-да, наших римлян. Я-то вначале удивлялся, почему его так зовут. Сдуру спросил у своих, не полукровка ли он. На меня посмотрели, как на полного идиота. Патрик Коннолли, этот длинноволосый хам, даже гыкнул. Я тогда ещё не знал, что между нами и ними не бывает метисов. И что вообще они нам не родственники, просто похожи очень. Конвергенция, закон Альварес. В моё время в школе всего этого ещё не проходили.

Много чего в моей школе не проходили...

1. ЧУЖЕЗЕМЦЫ

Барнарда, система Летящей Звезды Барнарда, 13 декабря 2309 года по земному календарю.

Город взлетал вверх праздничными каскадами, похожими на окаменевшие фейерверки. Здания свечами устремлялись ввысь, розовые и жёлтые стрелы монорельсовых путей пронзали пространство, рассекая тончайшую туманную дымку тающего утра. На пешеходной эстакаде стояли трое.

– Жаль, что Мэлори этого не увидит, – сказал тот из мужчин, что был повыше ростом.

По лицу единственной в компании женщины скользнула тень раздражения.

– Он сам не захотел приехать. Думаю, ему не очень-то было это нужно.

Третий слушал их с некоторым беспокойством.

– Вы думаете, – после паузы спросил он, – Мэлори обиделся на меня?

Они были археологами, прилетевшими на XIV межпланетный конгресс на Барнарде. Двое из них были землянами, третий принадлежал к местной расе. Недавно они вернулись из совместной марсианской экспедиции и после краткой конференции на Земле были вызваны для доклада второй планетой-участницей. То, что доклад придётся делать в отсутствие главы экспедиции, вызывало у них – по крайней мере, у Лики Мальцевой, хорошо понимавшей, что происходило тогда на Марсе – дискомфорт, и маленький барнардец лишь со свойственной ему прямоотой назвал вещи своими именами.

– Да брось ты, Вик, – поморщился Патрик Коннолли. – Мэлори вообще колючка, он готов обидеться на велосипед, если колесо спустило. Не может простить миру, что не всё вертится вокруг него.

Всё не так, вернее, не совсем так, беспокойно думала Лика, переводя взгляд на разноцветные шпили города. Патрик хочет утешить Виктора, как будто это можно сделать, расставив всё по местам и заклеив виноватых. Просто Виктор другой. Он инопланетянин. И возможно, он оказался всего лишь чуточку больше инопланетянином, чем остальные барнардцы, работавшие в экспедиции. Но ведь у нас-то с ним не было проблем, удивилась про себя Лика. Для нас он всегда был только ещё одним человеком на станции. За что его возненавидел Мэлори? Ей не хотелось об этом размышлять, неловкость, висевшая между ними, и без того была тягостна.

– Ладно тебе, Патрик, – доброжелательно улыбнулся барнардец, – все знают, что Артур Мэлори и Виктор Лаи с некоторых пор – несовместимые программы. А также то, что второй испортил первому немало нервов.

– Ой уж, нервы! – буркнул Коннолли, сунув руки в карманы. – Воображает он много, вот и всё. Не бери в голову, Вик.

– Вы лучше о докладе подумайте, – сказала Лика. – Завтра пленарное заседание.

– Я уже подумал, – бодро ответил Лаи. – А вот Патрик представляет собой проблему.

Патрик, ты должен взять напрокат костюм. В гостинице есть специальный сервис.

– Чем тебе не нравится мой костюм? – Коннолли вытащил руки из карманов и расправил фалды пиджака. – Я купил его на Риджент-стрит специально к этому конгрессу!

– Он не годится для конгресса, – невозмутимо пояснил Лаи. – Нужен официальный костюм.

– Куда уж официальнее? Смокинг, что ли?

– Патрик, длинные брюки у нас считаются рабочей одеждой. Тебе нужен *наш* официальный костюм. Как у меня.

Оба коллеги с Земли посмотрели на барнардца, хотя он и так постоянно находился у них перед глазами. С тех пор, как их доставили из космопорта в гостиницу, Лаи расстался с земным костюмом, в котором делал доклад в Оксфорде, и был одет в ослепительно белую рубашку, тёмную жилетку и очень короткие тёмные шорты. На ногах его оказались высокие шнурованные ботинки почти до колен, на толстой подошве. Наряд довершали яркая красно-жёлтая шапочка и такой же расцветки шейный платок.

– Да? – скептически хмыкнул Коннолли. – А может, мне ещё и голову побрить?

– Это совершенно излишне, – заметил Лаи таким серьёзным тоном, что Лика не удержалась и фыркнула.

Как-то всё слишком просто получается, мысленно упрекнула себя она.

– Вы о чём-то задумались, Лика? – с улыбкой спросил Лаи. – Вас тревожит, не изменится ли генотип Патрика от барнардского костюма?

– Минус десять баллов, Казак, – ответила Лика и сама удивилась себе: с её губ сорвалось прозвище, которым никто из них не называл Лаи после окончания злополучной экспедиции. – Я думаю о том, что впервые в жизни вижу столько барнардцев.

Поток пешеходов, спешивших по своим делам, вселял в неё непривычное ощущение. Там, в марсианской экспедиции, несколько барнардцев казались лишь вариацией землян – чем-то вроде статистической погрешности. Здесь же всё выглядело совсем иначе. Город, в общем-то, не удивлял её – не так много архитектурных форм пригодно для обитания двуногих приматов, и все уже давно были перепробованы на обеих планетах. Но один взгляд на уличную толпу заставлял Лику чувствовать, что она здесь чужая. Повсюду были барнардцы. Невысокие, грациозные, странно одинаковые – ни одного темнокожего или, наоборот, блондина. Большинство мужчин носило длинный локон на выбритой голове, и чуть ли не у всех женщин в ушах болтались огромные серьги из флюоресцирующего стекла. Лика ни разу до этого не видела барнардцев в национальной одежде – она была слишком яркой по меркам земных вкусов и походила на детскую. И они были неприятно шумными – они галдели, хохотали и обнимались на ходу, вне зависимости от пола и возраста. А спокойный аристократичный Лаи, с которым она столько проработала в экспедиции, каким-то образом был одним из них.

– А вы ожидали увидеть зелёных осьминогов с бластерами?

Голос Лаи оторвал её от наблюдений. Лика взглянула на него, слегка сконфузившись, а затем засмеялась. Не читает ли он мысли, чёрт возьми, мелькнуло в её сознании.

– Ха-ха! Оказывается, ты ещё и эксперт по земной фантастике? – произнёс Коннолли. Лаи скромно наклонил голову в цветастой шапочке.

– Ну, до эксперта мне ещё далеко... Там, на Марсе, в локальной сети, была не только научная библиотека. Я кое-что прочёл в онлайн, например, из Шекли...

– Ого, – уважительно отозвался Коннолли. – В администрации узнают – шеи посворачивают библиографам. На размещение ресурсов жёсткий лимит, сам знаешь, как это на Марсе. А что, Азимов там есть?

– Есть и Азимов, – лукаво подмигнул Лаи. – До него я, правда, не добрался. Но вообще, я скажу, земная фантастика не сильно отличается от нашей. У двуногих приматов бедное воображение.

Лика вздрогнула. Это было уж слишком. Неужели барнардцы в самом деле умеют читать мысли? Но об этом никогда не упоминалось ни в одном источнике. Что я несу, подумала она – бред, телепатия всего лишь религиозное понятие конца XX века, в котором не более фактического содержания, чем в «чистилище» или «карме». К тому же его подмигивание было адресовано Коннолли, а не ей.

Она остановила взгляд на руке Лаи, лежащей на перилах эстакады. Изящная, чисто вымытая рука, пять аккуратных (при его-то профессии!) розовых ногтей. Десять процентов разницы

в геноме – где они запрятаны, подивилась она. Правда, она же не проводила медобследований барнардцев.

– Я хочу сказать, – разъяснял тем временем Лаи, – что, ввиду нашего сходства, наши представления о фантастике одни и те же. Фантастичным нам кажется то, что слишком на нас непохоже. Я, например, вам фантастичным не кажусь.

– Ну почему же, Вик, – возразил Коннолли, – ты фантастически уделал Мэлори.

Такта у Патрика не больше, чем у стегозавра, сердито подумала Лика.

– Пойдёмте наконец чего-нибудь поедим, – вмешалась она, – я умираю от голода.

– Здесь есть ресторан, – показал Лаи, – вон там, у схода с эстакады. Мы можем пойти туда.

2. ПЫЛЬНАЯ РАБОТА

Марс, 64-й летний полевой сезон в северном полушарии, экспедиция D-12. 30 октября 2309 года по земному календарю (56 августа 189 года по модифицированному марсианскому календарю Уильяма Пикеринга).

Начальник экспедиции Артур Мэлори был единственным, кто располагал персональным рабочим кабинетом на станции, если только эту каморку три на два метра можно было назвать кабинетом. Однако всё же это было его личное пространство, обладавшее значительным психологическим эффектом сакральности для всех остальных. Оно хотя бы иногда и частично изолировало его от его подопечных.

Мэлори подошёл к окну и поглядел сквозь толстое стекло. Снаружи была только рыжая муть. Центральный пик кратера Гаммельн, в котором располагалась станция, был почти не виден. Пыльная буря. Хорошо, хоть магнитных бурь здесь не бывает, подумал он. Иначе бы я тут точно сдох. А сейчас ещё, по всем литературным канонам, кто-нибудь постучится в дверь и скажет...

Он точно знал, что именно ему скажут. Уже пятнадцать минут как должен был начаться экспедиционный совет, который он сам же и назначил, а теперь опаздывает. С долей наслаждения, пожалуй, опаздывает. Разумеется, они сидят в медиа-зале и тихо матерят его. Но вслух они скажут только: «Артур, вас ждут на совете...»

Никто не постучался. Дверь распахнулась, словно от штормового ветра, и в кабинет влетела Айена Иху, огорошив его вихрем кудряшек и вспышками лиловых флюоресцентных серёг.

– А-и-тур, где же вы, – зачирикала она на маорийском, – Аитур, вас до-жи-дают!

Напевный язык маори в её устах превращался в ряд отрывистых гласных, похожих на пулемётную очередь. Обнаглели уже, лезут не постучавшись – медленно наливаясь яростью, подумал Мэлори. Взять и послать её к чёртовой матери. Но вместо этого он услышал свой собственный усталый и вежливый голос:

– Пожалуйста, не шумите, я уже иду.

Следуя за барнардкой по коридору, Мэлори хмурился всё больше и больше. Всё равно ничего не успеваем, думал он, придётся выбирать между двумя квадратами. Что тут можно успеть, когда до конца экспедиции осталось три недели с небольшим. Время было затрачено фактически впустую, и Мэлори хотелось быть уверенным, что виной тому пыльные бури и невезение, а не какой-нибудь досадный просчёт с его стороны.

– Здравствуйтесь, Артур, – произнёс Симон Лагранж, поднимаясь ему навстречу. – Мы дожидались вас, чтобы начать совет.

Мэлори сдержанно кивнул и сел в кресло. Доктор Лагранж был единственным в экспедиции намного старше его, и Мэлори старался сохранять достоинство в его присутствии. Он не хотел дать повод счесть себя невротичным мальчишкой. Опыт говорил ему, что для людей в возрасте Лагранжа все, кто моложе шестидесяти – сопляки; он старался вести себя осмотрительно, но до сих пор не знал, заслужил ли за эти месяцы уважение доктора.

Теперь все участники экспедиции были в сборе – шестеро землян и четверо барнардцев, в креслах за расположенными полукругом мониторами. Они напряжённо переглядывались между собой.

– Итак? – обращаясь ко всем, спросил Мэлори – надо же было как-то начинать. Слово взял Джеффри Флендерс, сидевший справа от него.

– Я думаю, Артур, все в общих чертах представляют себе проблему, – сказал он, – но, чтобы было нагляднее, Лика сейчас сделает доклад.

– Валяйте, – кивнул Мэлори. Со своего места поднялась Лика Мальцева – неуклюжая, с веснушками на носу и золотистыми волосами, собранными в «конский хвост», никак не выглядывшая на свои тридцать два (в начале сезона Мэлори принял её за стажёрку и был раздосадован, когда узнал о своей ошибке). Она держала в руке стилу.

– Полагаю, – проговорила она, – следует начать с карты. Пусть всё будет перед глазами.

Она коснулась монитора, и на проекционной стене зала вспыхнула карта раскопок в секторе «сигма». По утверждённому ещё в позапрошлом веке плану археологических исследований поверхность Марса была разбита на сектора, обозначенные греческими буквами в северном полушарии и латинскими в южном. Сектора, в свою очередь, делились на квадраты. Сектор «сигма» занимал большую часть равнины Хриса¹. Красным цветом были отмечены уже обследованные квадраты, жёлтым – те, которые пока не затрагивали. Но Лика быстро прочертила стилем по экрану, и два из необследованных квадратов вспыхнули оранжевым. На языке программы ArchaeoSurfer выделение оранжевым означало «представляет потенциальный интерес», и, хотя эти данные не были новостью ни для кого из членов экспедиции, включая Мэлори, слушатели непроизвольно замерли, вглядываясь в изображение.

– Предварительная разведка выявила перспективность квадратов «сигма семнадцать» и «сигма двадцать пять», – с расстановкой говорила Лика, вертя между пальцев блестящее металлизированное стилу. – Как всем известно, до конца экспедиции осталось двадцать три дня. Этого едва хватает для начального обследования одного квадрата. Предстоит принять решение, на каком из двух остановиться.

Она ткнула стилем в монитор перед собой, и на стене появилось увеличенное изображение квадрата «сигма семнадцать» в южной части Оксийских холмов.

– Вот здесь и здесь, – стилу в её руках выпустило тонкий лазерный луч, скользнувший по проекции на стене, – выявлена необычная концентрация углерода и фосфора в породе. Возможно наличие захоронений. Беспрецедентный случай.

– Данные перепроверили? – спросил Мэлори, постукивая пальцами по столу. Вместо Лики отозвался доктор Лагранж.

– Дважды. Думаете, чем мы всё это время занимались?

– Было бы здорово, если бы откопали хоть одного марсианина, – увлечённо сказал Патрик Коннолли. – Интересно, какие они – с рогами и копытами или с плавниками?

– Е-рун-да, – заявила Айена Иху. – Они доложны бывать такие, как мы все. Если они были разумные...

– Докладчика не отвлекаем, – отрезал Мэлори. – Лика, продолжайте.

– Квадрат «сигма двадцать пять», – Лика сменила картинку на проекторе. На этот раз причина интереса была видна невооружённым глазом. – Правильно расположенные холмы, под которыми могут скрываться строения.

– Я бы проголосовал за семнадцатый, – решительно сказал Лагранж.

– Лично мне кажется перспективнее двадцать пятый, – возразил Флендерс, молодой корректный гарвардский специалист, темнолицый от примеси африканской крови. – Постройки могут оказаться в лучшей сохранности, чем то, что находили раньше.

– Какие у нас гарантии, что это постройки? – Мэлори облокотился на стол. – Тем более что у нас не хватит времени для такого объёма работ. Различайте здоровые риски и прожектёрство.

– Времени хватило бы для разведывательных раскопок, – уточнила Лика Мальцева. – Мы смогли бы по крайней мере узнать, есть там что-нибудь или нет, чтобы оставить ориентир для следующей экспедиции.

– Увольте меня от построек, – процедил Мэлори, обводя взглядом участников экспедиции. – Хотите сыграть в Османаджича? Я балагана не допущу.

Двое-трое присутствующих неуверенно хихикнули. Всем был памятен «казус Османаджича», якобы нашедшего на Балканах пирамиды возрастом десять тысяч лет. И хотя Османаджич умер в 2046 году, а публикации о «пирамидах» третье столетие пылились в библиотечных фондах на самых дальних полках, археологи продолжали поддразнивать своих коллег именем великого шарлатана. Впрочем, как знать? Шарлатана ли? По некоторым данным, Османаджич сам горячо верил в то, что распространял.

– А если там в самом деле строения? – спросил молодой барнардец по имени Амаи Ори. – Не можем же мы так сразу отказаться, без проверки...

Пораскрывай мне ещё тут рот, подумал Мэлори.

– Голосования не будет, – звучно объявил он. Взгляды археологов сошлись на нём в одну точку. – Квадрат двадцать пять оставляем на следующую экспедицию. Копаем в семнадцатом.

Лагранж посмотрел ему прямо в глаза.

– Инструкция не даёт вам полномочий закрывать экспедиционный совет, господин Мэлори, – с подчёркнуто старинной формальностью проговорил он. Начальник экспедиции ответил ему взглядом, полным откровенного пренебрежения.

– Инструкция нигде не запрещает мне это, – усмехнулся он. – А вас-то что волнует, Симон? Вы сами только что высказались за семнадцатый квадрат.

Лагранж только сморщил лоб в ответ. Мэлори демонстративно прокашлялся.

– Садитесь, Лика, – сказал он, – благодарю за доклад. Итак, безусловно, я принимаю нетипичные меры. Однако они обусловлены нетипичной ситуацией. Вы знаете, что у нас осталось мало времени. И мы должны потратить его на более перспективный участок. У меня есть основания полагать, что таким участком является семнадцатый квадрат...

...органика, думал он, это почти гарантия. Если бы нам удалось обнаружить останки марсиан, это была бы новая страница в археологии. Ведь до сих пор никто ещё не находил на Марсе захоронений...

– ...кроме того, – добавил он, – не забудьте, что через два дня к нам прибывает специалист с Барнарды. Мы должны быть в состоянии что-то ему предъявить. Необходимо хотя бы начать работы в квадрате семнадцать.

Три недели – ещё три недели этой бодяги, и ты свободен, подумал Мэлори, захлопывая за собой дверь кабинета. Признай, наконец, что твоя должность чисто административная – от тебя ждут, что ты будешь следить за техникой безопасности и не вмешиваться в научную сторону работы... А технику безопасности он знает назубок.

Он знал. Инструкция предусматривала начисление штрафных баллов за нарушение техники безопасности, в том числе за порчу оборудования и программного обеспечения на станции. Набравший двести и более отстранялся от участия в любых археологических экспедициях – даже земных – сроком на три года. Особо злостных нарушителей могли лишиться допуска в экспедиции навсегда. Метод был варварским, но эффективным: ни один учёный не захочет быть изгнанным из своей профессии, если он действительно учёный, а не авантюрист.

Оставались барнардцы. Их эта система не устраивала, но, оказавшись в совместных марсианских экспедициях, они вынуждены были подчиняться. Всё-таки Марс подлежал юрисдикции Земли. Правда, для них угроза лишиться допуска была не так страшна – отлучив барнардца от права участвовать в совместных программах на Земле и Марсе, земляне не могли запретить ему работать у себя на Барнарде. Случайность ли, подумал Мэлори, что из тридцати шести археологов, погибших за столетие раскопок на Марсе, двадцать восемь были барнардцами?

Мало мне четверых, с тревогой подумал он, теперь мне на голову сваливается ещё один, и неизвестно, что он за штучка. Если и впрямь крупная величина в межпланетной археологии, значит, с гонором, и его надо остерегаться. Важные спецы – они всегда с гонором.

Мэлори рассеянно вывел на монитор окно локальной марсианской сети, нашёл библиотеку, ввёл пароль. Что бы такое почитать? Ага, Уэллс, «Война миров». Кто-то балуется – выкла-

дывает на сервер фикшн. Ничего, Мэлори не стукнет на библиографов – он прекрасно понимает, нужно же людям чем-то занять себя во время песчаных бурь, вызывающих томительные перерывы в работе.

– Посмотрел бы Уэллс, – усмехнулся он, – как мы тут с барнардцами раскапываем Марс.

А господин прогресс настроен иронически, подумалось ему. Стоит посмотреть на человечество на заре двадцать четвёртого столетия: пьём в баре с обитателями другой звёздной системы, а о том, что творилось в прошлом у нас под самым боком, до сих пор имеем смутное представление. Например, какая цивилизация обитала на Марсе?

«Марсианский сфинкс», наделавший столько шума в конце XX века, оказался блефом, разоблачённым через пару десятилетий. Но следы цивилизации всё-таки были. Правда, настолько неотчётливые, что почти ничего не могли сказать об их создателях. В основном – сохранившиеся в слое песка контуры стен разрушенных городов. Редко где высота руин превышала полметра, и трудно было судить как о технологии постройки, так и о том, что их разрушило – природная катастрофа или военные действия. По следам городов нельзя было сделать никаких выводов о технологическом уровне марсианской цивилизации. Ещё меньше они могли сказать о том, какие существа их населяли. Эволюционировали ли они из местных форм жизни или колонизировали Марс в незапамятные времена? Палеонтологам ещё не удалось обнаружить на Марсе следов высокоорганизованных животных, так что многие марсоведы склонялись ко второй версии.

Кем бы ни были таинственные марсиане, они вымерли за миллионы, возможно, миллиарды лет до того, как на Земле появились млекопитающие. С человеком они встретиться никак не могли (разве только в загробной жизни, порой мрачно острили археологи). К концу XXII столетия древний энтузиазм поиска внеземных братьев по разуму значительно поутих. Единственной разумной цивилизацией, обнаруженной за всё это время в доступных окрестностях Галактики, была раса с планеты в системе Летящей Звезды Барнарда. Но охи и ахи стихли уже лет через десять-двадцать после первого контакта. Барнардцы почти ничем не отличались от земных людей – ни по внешности, ни по образу жизни. Они давно уже были просто партнёрами в науке и торговле. Они даже не возражали против того, чтобы их именовали барнардцами, понимая, что родное название их планеты неудобно для земной документации; да ведь и на Земле ещё иногда приходилось объяснять, почему «Земля», «La Terra» и «die Erde» – одно и то же.

И одному из них почему-то настоятельно требовалось посетить экспедицию D-12.

– Попка дур-рак! – пронзительно заверещал компьютер. Мэлори перекошило, хотя он слышал этот вопль уже несчётное множество раз. Его предшественник обладал своеобразным чувством юмора, раз поставил такое почтовое оповещение. За два марсианских месяца работы экспедиции Мэлори так и не смог найти, как сменить сигнал, а спросить у кого-то более компетентного по части электроники – у персонала станции или хотя бы у Амаи Ори – стеснялся. Ещё, чего доброго, подумают, что он комплексует. Мэлори был достаточно умён, чтобы понимать – такие вещи в глазах подчинённых авторитета не прибавляют.

Он набрал пароль и открыл почтовый ящик. Сообщение было послано ещё несколько дней назад. Оно было помечено адресом космопорта на Барнарде.

Уважаемый Артур,

я прилетаю 1 сентября рейсом BR-43, между 15.30 и 17.00.

Всегда Ваши

Виктор Лаи.

– Первое! – охнул Мэлори. – Это же завтра!

Точное время выхода лайнера из свёрнутого пространства, разумеется, рассчитать нельзя, хотя за последние полтора века удалось добиться приемлемых уровней погрешности. Но целые сутки? Неужели рейс отменили, и он взял другой? Или ему просто не терпелось?

Регулярных рейсов между Барнардой и Марсом не было, и любопытствующий одиночка наподобие Лаи оказывался перед выбором из двух вариантов: совершить утомительный транзит через Землю или присоединиться к очередному экспедиционному вылету. Второй вариант был ненадёжен – экспедиций с Барнады могло быть три-четыре в неделю, а могло и не быть месяцами. Но Лаи, видимо, подвернулась возможность, которой он не преминул воспользоваться. Судя по номеру, это был именно прямой барнардский рейс.

– Хорошо хоть не сегодня, – наливая себе воды, добавил он. – Чёртовы письма! Двадцать четвёртый век на дворе, а космическую почту так и не можем наладить!

До него не сразу дошло, что письмо было написано по-английски.

3. ЧТО ТАКОЕ РАСИЗМ

Барнарда, 13 декабря 2309 года по земному календарю.

– Боюсь даже спрашивать, – со смехом сказала Лика, – подходит ли моя одежда для выступления на барнардской конференции.

– Напрасно, – учтиво ответил Лаи. – У нас нет специальных правил для женщин. Только я бы посоветовал вам надеть какие-нибудь украшения, а то могут подумать, будто вы в трауре.

Официант в белой рубашке и чёрных шортиках подал им местный десерт, заказанный по совету Лаи – обсыпанное пряностями печенье, плавающее в тарелках с фруктовым соком. Коннолли лизнул сок, как дегустатор, пытаясь определить его ботаническую принадлежность.

– Украшения? – смутилась Лика. – Но я не взяла сюда никаких украшений. Я не думала...

– Это поправимо, – тут же отозвался Лаи. – Купите внизу в лавке венки из живых цветов. Стоят они совсем недорого, и можно подобрать такие, которые вам подойдут.

– Вот видишь, Лика, – злорадно произнёс Коннолли, хрустя печеньем, – мы поквитались. Мне предстоит шорты, тебе – цветочки на голове.

– Я всегда знал, Патрик, что до джентльмена тебе далеко, – сказал Лаи, аккуратно зачерпывая ложкой сок. Старомодное слово забавно звучало в его устах. Лика снова погрузилась в изучение горожан. Материала было предостаточно – ресторан был переполнен, кроме того, с открытой площадки, на которой они сидели, был хорошо виден народ на улицах.

Конечно, барнардцы лишь на первый взгляд казались похожими друг на друга, как клоны. Рассматривая их более внимательно, можно было заметить, что они отличаются ростом; кто-то был посветлее, кто-то – посмуглее; цвет их волос варьировал от каштанового до угольно-чёрного, немного различался и разрез глаз. И всё же в целом толпа создавала ощущение одинаковости. Нечто подобное Лика видела лишь на очень старых – ещё не цифровых, а химических – фотоснимках Японии.

– Виктор, – спросила она, – а что, в этом городе живёт только одна народность?

– У нас нет такого понятия, как народность, – сказал Лаи. – У нас, конечно, говорят на разных языках, и в разных местностях существуют различные обычаи, но того, что у вас называют этническими группами, у нас не существует.

– То есть все барнардцы...

– Примерно одинаковы на обоих континентах. Хотя, конечно, у нас бывают разные типы внешности.

– А чем это объясняется? – с интересом спросил Коннолли. – Поздним расселением?

– Вряд ли. Насколько мне известно, мы освоили планету целиком ещё десять тысяч лет назад, а то и больше. Я не специалист по этому вопросу, но, по-моему, в определённый период произошла ассимиляция. Мне известны древние скульптуры, и там гораздо большее разнообразие типов.

– Представляю, каким шоком для барнардцев должна была стать встреча с землянами, – заметил Коннолли. – Достаточно поставить рядом Лику и Джеффри Флендерса...

– Вовсе нет. Наша религия признаёт множество богов, которые могли творить людей много раз. В наших легендах о древних временах упоминаются люди огромного роста, люди с цветными волосами – прямо как у тебя. Есть даже фантазеры, которые на основании этих легенд полагают, что земляне в древности посещали Барнард. Хотя это чушь полнейшая, конечно.

– И поэтому у вас нет расизма? – непринуждённо поинтересовался Коннолли. Болван, охнула про себя Лика и пнула его ботинок под столом. Ирландец не обратил на это ни малейшего внимания.

Надо же было ему было завести разговор на эту тему, тоскливо подумала она. Нашёл время и место... Лаи и глазом не моргнула.

– В вашем смысле, вероятно, нет, – спокойно ответил он. – Барнардцам вообще довольно сложно понять этот феномен. Хотя в любом случае непонятно, как решать проблему с бассейном.

– С бассейном? – Лика не сразу поняла, о чём он. – Вы про отель, что ли?

– С вас брали в отеле расписку, что вы не возражаете против отдельного бассейна для землян?

– Ну, брали, – удивлённо отозвался Коннолли. – Я думал, это из гигиенических соображений – грибок и прочее. А что там за история?

– Глупая, – вздохнул Лаи. – Это всё из-за вашего туриста, который устроил здесь скандал в прошлом году. Он увидел надпись: «Бассейн для гостей с Земли», – и разбушевался. Кричал, что это расизм. При чём тут расизм, этого у нас никто не знал, но на всякий случай администрация отеля решила предупредить всех землян насчёт бассейна. Правда, даже я не вполне понимаю, из-за чего он так взъелся.

– И не надо, – отмахнулся Коннолли. – А кроме шуток, почему бассейн-то отдельный?

– Ну, во-первых, из-за роста, – не раздумывая, ответил Лаи, – всё-таки вы в среднем выше нас... И потом, вы нуждаетесь в более прохладной воде. Но в основном – чтобы вас не смущать. У нас нет обычая пользоваться купальными костюмами, а наше строение всё же немного отличается от земного. Администрация отеля всего лишь хотела избежать психологического дискомфорта для обеих сторон.

Лика почувствовала, что краснеет, и ничего не могла поделать. К счастью, Лаи в этот момент отвлекся – у него зазвонил телефон, и он торопливо отсоединил капсулу от пояса и сунул в ухо.

Отвечая невидимому абоненту, он отчаянно гримасничал; его и без того подвижное лицо беспрестанно меняло выражения. Лика и Патрик не понимали ничего из того, что он говорит, но раз или два в его голосе проскользнули сердитые нотки, а порой он как будто сдерживал смех. Наконец он выключил капсулу, с размаху всадил её обратно в выемку пояса и откинулся на спинку стула.

– Ну всё, конец миру и спокойствию, – с многозначительной ухмылкой сказал он. – Сюда едет Доран.

– Кто? – переспросил Коннолли.

– Мой племянник. Студент. Учится на историческом и почему-то забрал себе в голову, будто я должен быть его кумиром. Он узнал, что я вернулся на планету, и вечером приезжает сюда. Планирует остановиться у друзей.

Подошедший официант что-то спросил у Лаи – вероятно, пора ли выписывать счёт. Лаи кивнул ему и снова обратился к своим друзьям с Земли:

– Доран немного... я бы сказал, без тормозов. Будьте к нему снисходительнее, ведь ему всего четырнадцать.

4. КАЗАК

Марс, экспедиция D-12. 30-31 октября 2309 года по земному календарю (56 августа – 1 сентября 189 года по марсианскому).

– Кто такой вообще этот Виктор Лаи? – спросил Мэлори вечером за ужином. – Кто-нибудь о нём что-нибудь знает?

В столовой в этот момент находилась лишь часть состава экспедиции, из барнардцев – только Айена Иху. Презрев стационарный этикет, Мэлори говорил по-английски. За Айену он не беспокоился: с её языковыми способностями, близкими к нулевой точке, она вряд ли распознала бы на слух даже имена в английском произношении.

Айена насупилась, но Мэлори сделал вид, что не заметил этого. Ему ответил Джеффри Флендерс.

– Насколько мне известно, это один из ведущих специалистов по инопланетной археологии. Он бывал на Земле, мне встречалось его имя в прессе.

– Имя? – недоверчиво повторил Мэлори. – Или псевдоним?

– Кто бы допустил псевдоним в академическую печать? – возразил Симон Лагранж. – Для барнардцев исключений не делают.

– Но это не барнардское имя, – заупрямился Мэлори. – Виктор! У него что, кто-то из родителей с Земли?

По взглядам, брошенным на него, он догадался, что сморозил что-то не то. На лице Патрика Коннолли промелькнула плохо скрытая жалость. Да они тут считают меня невеждой, подумал Мэлори.

– Артур, – мягко сказал Лагранж, – между нами и барнардцами не бывает метисов. Геном различается на десять процентов.

– Десять процентов – это много?

Мэлори никогда особенно не разбирался в генетике.

– Это колоссальное значение. Между человеком и шимпанзе разница всего полтора процента.

– Проще было бы зачать потомство от гиббона, – хохотнул Коннолли. Айена подозрительно покосилась на него и снова взялась за спагетти.

– Никогда об этом не задумывался, – сказал Мэлори.

То, что по крайней мере часть инопланетной жизни должна быть сходна с земной генетически, было предсказано уже давно. Ещё во второй половине XX века в кометах и космической пыли были обнаружены аминокислоты, уже известные на Земле. Из этого логически вытекало заключение, что механизмы кодирования белков, а значит, и строение ДНК, должны в общих чертах повторяться в разных мирах – просто в силу типологического схождения. Наиболее полно прогностическая теория была разработана Паолой Альварес в 2080-е годы. Впоследствии встреча с обитателями Барнарды подтвердила «закон Альварес». Барнардцы не были родичами Homo Sapiens. Они лишь походили на землян – на девяносто процентов.

Художественная литература, однако, отставала от жизни, подумал Мэлори. Надо же, ведь генетика как научная дисциплина существовала ещё три с половиной столетия назад – а фантасты вплоть до недавнего времени продолжали исправно выдавать лав-стори о счастливых межпланетных семьях с энным количеством красивых (либо страшеньких, но гениальных) детёнышей. И я выставил себя идиотом, сердито подумал он – я-то не фантаст, я учёный, мне бы следовало знать такие вещи.

– Между нами и ними даже браков не бывает, – прибавил Коннолли. – По физиологическим причинам. Ничего не поделаешь. Я знал одного парня, в которого влюбилась барнардка. Это был кошмар для обоих. В конце концов им пришлось расстаться.

– А почему же он всё-таки Виктор? – с недоумением спросил Мэлори. Джеффри Флендерс засмеялся.

– Всё просто. Он не первый археолог в своей семье.

– То есть?

– Его отец получил вторую специальность по истории Земли. Был без ума от наших древних римлян. И ребёнка назвал Виктором. Ему это показалось красиво: Виктор – «победитель»...

– А вы откуда это знаете? – полюбопытствовал Мэлори.

– Пошарил на досуге в локальной сети. В одном из прошлогодних выпусков «Британской археологии» оказалось интервью с ним.

– Ну и осложнил же его папаша всем жизнь, – сказал Коннолли. – Ведь для барнардцев это так же сложно выговорить, как для нас – какой-нибудь «Кржижановский».

– Кржижановский – это фамилия, – сказала Лика Мальцева. Её не слушали.

– Сложно или не сложно его выговорить, – брюзгливо заметил Мэлори, – но он прилетает завтра, и нам нужно его встретить.

– Как – завтра? – изумился Флендерс.

– А вот так. Похоже, он вылетел другим рейсом. Так что завтра после обеда нам нужно быть в космопорту.

Последние слова он произнёс по-маорийски. Напряжённая складка между бровей Айены Иху тут же разгладилась. Речь шла всего-навсего о встрече приезжего специалиста. А не об апельсиновом соке, который она пролила вчера в лаборатории.

Через двадцать часов после этого разговора Мэлори стоял в зале единственного на Марсе межзвёздного космопорта в Ацидалии, сжимая в руках табличку с номером экспедиции. С ним были Джеффри Флендерс и Лика Мальцева, выбранные им в качестве сопровождающих. Все трое пытались высмотреть среди пассажиров, выходящих из контрольного шлюза, ожидаемого гостя. Это было непросто, так как космопорт принимал и земные рейсы, включая транзиты, и народу в этот день оказалось достаточно много.

– Уже почти пять, – сказал Мэлори, поглядывая на часы. – Хоть бы нам не пришлось торчать здесь до ночи.

– Погодите, – сказала Лика, – по-моему, это он.

Проследив за её взглядом, начальник экспедиции увидел, как от смешанной толпы землян и барнардцев отделилась невысокая фигурка. Пассажир целенаправленно двигался в их сторону.

Мэлори заготовил дежурную улыбку и не менее дежурное приветствие на маорийском. Но барнардец заговорил первым. Подойдя к ним на расстояние вытянутой руки, он сказал:

– Здравствуйте. Прошу прощения, что заставил вас ждать. Вы, должно быть, Артур?

От неожиданности Мэлори едва не лишился дара речи. Барнардец обращался к нему по-английски!

Лика и Джеффри удивлённо переглянулись. Обычно европейские языки были недоступны для барнардцев – у них было слишком примитивное строение гортани. Неудивительно, ведь эволюция их расы была гораздо короче. На заре эволюционной теории история вида *Homo Sapiens* оценивалась в сорок тысяч лет, но в 1990-е годы это представление было скорректировано – новые данные говорили о сроках в три-четыре раза дольше. Вид *Homo Barnardiensis* существовал никак не более тридцати тысяч лет – даже с учётом того, что год на их планете дольше земного, сроки несопоставимые. Благодаря низкой продолжительности жизни и быст-

рой смене поколений их культура развивалась стремительно, но физическая эволюция оказалась несколько неравномерной – они не успели развить достаточно тонкий речевой аппарат. Одним из немногих земных языков, худо-бедно пригодных для общения с барнардцами, был язык маори, в котором мало согласных – и в качестве такового он официально и выступал. К этому настолько привыкли, что мысль о барнардце, говорящем по-английски, вряд ли могла даже прийти кому-нибудь в голову.

Но этот говорил. С сильным акцентом, коверкая некоторые звуки, но всё же вполне внятно. Грамматика же его и вовсе была безупречна, как в классической литературе старых времён.

– Я – Артур, – заминая неловкую паузу, проговорил Мэлори. – Глава экспедиции D-12.

– Рад познакомиться, – барнардец протянул ему маленькую холодную руку. – Виктор Лаи.

– Вы замёрзли? – спросил Мэлори, к которому наконец вернулась способность нормально вести разговор.

– Немного. Какие-нибудь неполадки с отоплением?

– Здесь со всем неполадки. К сожалению, неотъемлемая часть марсианского быта. Разрешите представить вам моих помощников – Лику и Джеффри.

Разговаривая с приезжим, Мэлори неназойливо изучал его. Роста небольшого, по земным меркам ниже среднего; тёмные глаза на незагорелом лице. Волосы каштановые, стрижен по традиции своей родины – наподобие украинского казака в старину (те двое парней с Барнарды, что работали в экспедиции Мэлори, оба носили самые обычные причёски). Сходства с казаком добавляли небольшие усы, но все черты лица были не земные и уж тем более не славянские – хотя, в общем-то, приятные. На нём было что-то вроде спортивного костюма – серо-голубая блуза навыпуск, перехваченная белым ремнём с непонятной эмблемой, и того же цвета мешковатые брюки с резинками у щиколоток. Ботинки обыкновенные, походные; за плечами стандартный рюкзак со скафандром.

– Вам уже случалось работать в инопланетных условиях? – с любопытством спросила Лика.

– Только на Земле. Я бывал в Египте, Великобритании и Перу. Это будет мой первый марсианский опыт.

Мэлори заметил неподдельное уважение в глазах Джеффри Флендерса. Спокойствие, сказал он себе, начальнику экспедиции смешно ревновать к посторонним, да ещё в первые часы после их приезда.

– Но вы, конечно, понимаете, – в голосе Мэлори появились официальные нотки, – что здесь вам не Египет и даже не Перу. Марсианские условия смертельны для людей, поэтому мы следуем жёстким правилам безопасности.

– Разумеется, – Лаи ослепительно улыбнулся. – Как по-вашему, Артур, похож я на самоубийцу?

– Откуда мне знать, – проворчал Мэлори, – как выглядят самоубийцы на Барнарде.

Все четверо поглядели друг на друга и рассмеялись. Напряжение было сброшено.

– А где ваш багаж? – спросил Флендерс.

– Я уже отправил его беспилотной почтой. Тут как раз был очередной рейс...

– Напрасно вы это сделали. Беспилотники на Марсе часто бьются. Из-за атмосферных условий. От них уже планируют отказаться.

– Я этого не знал. Впредь буду осмотрительнее.

Ты ещё много чего не знаешь, любезный, подумал Мэлори.

– Пойдёмте надевать скафандры, – распорядился он. – Нам придётся лететь на аэро.

– Монорельс обещают проложить на следующий марсианский год, – пояснила Мальцева. – Тогда к станциям пристроят вокзальные шлюзы, и можно будет добраться от космо-

порта без скафандра. Но пока идёт диспут, не повредит ли вибрация археологические объекты, мы так и летаем на своих машинах.

– В новостях передавали, что в секторе «сигма» песчаная буря, – сказал Лаи.

– Уже почти стихла, – ответил Мэлори. – Завтра мы уберём защитный купол, и можно будет начинать работы.

5. СЮЖЕТ С ПЕРЕОДЕВАНИЕМ

Барнарда, 13 декабря 2309 года по земному календарю.

Лифт взнёс Патрика Коннолли на семьдесят четвёртый этаж так стремительно, что у него слегка заложило уши. Он шагнул в проём коридора и тронул пальцем световое табло справочника на стене. Справочник незамедлительно подтвердил ему, что он попал по назначению.

– Ну ладно, придётся, – вздохнул Коннолли и коснулся квадрата с надписью «Служба проката официальных костюмов». По стене тут же побежали светящиеся зелёные стрелки, обозначая направление.

Последовав за стрелками, Коннолли распахнул дверь.

– Добрый вечер. Чем могу помочь?

Прокатчик костюмов – пухлощёкий барнардец в золотисто-жёлтой шапочке на круглой голове – поднялся из кресла ему навстречу, отложив скролл электронной газеты.

И как это он успел переключиться на маорийский, подивился Коннолли. Хорошая реакция у местных жителей...

– Мне бы... костюм, – промямлил он. Прокатчик окинул его профессиональным взглядом.

– Посмотрим, что у нас есть... У нас не так много костюмов больших размеров, но, надеюсь, нам удастся что-нибудь подобрать. Давайте снимем мерку.

Обмерочный сканер мало отличался от земных моделей. Не без облегчения Коннолли зашёл в кабинку и стянул пиджак и брюки. Лазерные лучи заскользили по его телу, считывая параметры. Затем машина пискнула и выключилась.

– Есть! – послышался снаружи голос прокатчика. – Вы позволите?

Патрик приоткрыл шторку. Барнардец держал на весу жилетку и шорты тёмно-серого цвета.

– К сожалению, вашего размера – только серый, – извиняющимся тоном произнёс он. – Но это допустимо. Если только лично вы ничего не имеете против серого...

– Не имею, – заверил его Патрик, всей душой надеясь, что плавки не будут торчать из-под шорт. Приняв из рук прокатчика костюм, он снова задвинул шторку и принялся осваивать инопланетный наряд.

Плавки, к счастью, не вылезали. Зато рубашка при попытке заправить её в шорты выехала через нижний край штанины. Патрику пришлось высунуться ещё раз и пожаловаться прокатчику на техническую проблему.

– Пустяки, – сказал тот, – просто наши рубашки обычно короче. Вы можете приобрести две-три прямо здесь.

– А это дорого? – обеспокоился Коннолли. Прокатчик улыбнулся самым лучезарным образом.

– У нас не бутик. Наша задача – помогать людям выходить из маленьких затруднений.

Цена в самом деле оказалась умеренной; Коннолли надел одну рубашку на себя, ещё две попросил упаковать для него. Теперь костюм смотрелся на нём сносно. Прокатчик уже тащил откуда-то пару тяжёлых шнурованных сапог.

– Примерьте, – сказал он, плюхнув сапоги на коврик. Коннолли остолбенел.

– Сапоги у вас что, тоже сдаются напрокат?

– Их дезинфицируют после каждого клиента, – поспешил объяснить барнардец, – не беспокойтесь, полная стерильность.

– Нет, я про оплату, – заикнулся было Коннолли. Барнардец сделал приглашающий жест.

– Плата за прокат костюма фиксированная, туда уже входят все детали верхней одежды. Поняв, что от сапог ему отвертеться не удастся, Коннолли натянул их на ноги и зашнуровал. Сапоги сели как влитые. Было удобно, хотя немного жарковато. Он встал и прошёлся. Пожалуй, ради доклада можно потерпеть, решил он.

– Пилотку и косынку сами подберёте или вам помочь? – послышалось у него за спиной.

– О господи! – воскликнул Коннолли, оборачиваясь. – А это обязательно?

– Конечно, обязательно, – авторитетно заявил прокатчик. – Это как галстук у вас на Земле.

Он нажатием кнопки откинул панель в стене, и перед Коннолли предстала череда разноцветных головных уборов. Под каждым лежал свёрнутый шейный платок такого же цвета.

– К вашему сведению, – сообщил Патрик, – галстук уже более века не считается обязательным.

– Придётся вам смириться с консервативностью старой доброй Барнарды, – хихикнул прокатчик.

«Старой доброй Барнарды!» Где он только набрался таких словечек, изумлённо подумал Коннолли.

– Лично я бы посоветовал вам вот это, – прокатчик снял с полки шапочку и платок голубого цвета, оттенка старой бирюзы. – Это замечательно подойдёт к вашим волосам. Вы не обидитесь, если я спрошу?

– Что? – Коннолли разглядывал поданные ему аксессуары.

– Вы их красите, или это ваш естественный цвет?

Коннолли пригладил ладонью рыжую шевелюру.

– Естественный на сто процентов, – сказал он, – правда, редкий. Дайте зеркало, что ли...

Никакая это была не пилотка, и даже не тубетейка – что-то среднее между тем и другим.

Прокатчик любезно помог ему завязать на шее платок.

– Вот видите, – сказал он, страшно довольный, – вы безупречны.

Коннолли подошёл к большому зеркалу на стене и без особой надежды заглянул в него. Однако он выглядел вовсе не так нелепо, как ожидал увидеть. Даже, скажем так, ничуть не нелепо. Костюм придавал ему какой-то неожиданный аристократизм.

В конце концов, всё это не глупее, чем ирландский килт, пришло ему в голову.

– Ну как? – спросил его прокатчик.

– Пожалуй, – сказал Коннолли, подбирая сброшенный им смарт-пояс, – я похожу так немного... Мне надо привыкнуть.

Он оплатил пять дней проката плюс стоимость рубашек, запихнул свои вещи в пакет и вышел. Спускаясь на лифте, он всё ещё придирчиво изучал себя в зеркалах. Если Лика будет ржать, подумал он... а впрочем, может, и не будет. Не кажется же ей смешным кое-кто другой.

Сквозняк из кондиционера неприятно дунул ему по голым ногам, когда он открыл дверь своего номера. Коннолли поёжился. Пора привыкать, напомнил он себе. Он забросил пакет с вещами в номер и отправился ужинать.

Лику он отыскал в дальнем углу ресторана. Она сидела одна за столиком, Лаи с ней не было. При виде коллеги она вытаращила глаза, но тут же взяла себя в руки и улыбнулась ему.

– Привет, – сказал Коннолли, подходя к столу. – Встречай новую разновидность барнардца – рыжую.

– За барнардца ты не сойдёшь, – критически заметила Лика, – рост не тот.

– Да уж, – усмехнулся он, – костюм еле подобрали.

Он был несказанно рад, что она не произнесла ни слова о шортах. Стащив с головы голубую шапочку, он положил её на стул.

– Патрик, барнардцы не снимают пилотку за столом, – сказала Лика. Он слегка поморщился и снова нахлобучил злосчастный головной убор. Что ж, по крайней мере, она воспри-

нимала его преобразование адекватно. Больше всего он боялся услышать от неё какую-нибудь хохмочку на тему бойскаутов или гитлер-югенда. Но Лика просто сказала:

– Между прочим, красивый цвет – тебе идёт.

– Где Вик? – спросил он, успокаиваясь.

– Пошёл встречать своего чумового племянника. Собирается привести его к нам поужинать.

– Ладно, – сказал Коннолли и встал со стула. – Пойду возьму себе чего-нибудь.

– Будь другом, захвати мне ещё пару вон тех птичек. Тебе тоже рекомендую – специй много, но вкус отличный.

Запечённые целиком птицы были чуть крупнее воробья и с точки зрения Патрика едой не являлись. Исполнив просьбу Лики, он отправился искать для себя что-нибудь более питательное. Это удалось ему без труда – буфет был заставлен множеством разных блюд, и персонал постоянно следил за тем, чтобы запасы пополнялись. Коннолли немало повеселила карточка с надписью крупным шрифтом: «Корова земная».

– Это на всякий случай, – объяснил ближайший официант, – если у кого из гостей аллергия на наших животных или психологическое предубеждение...

Коннолли решил не вдаваться в словарные тонкости.

– Дай-ка мне этой коровы, – сказал он, подставляя тарелку. Под загадочным ярлыком, как оказалось, скрывался обыкновенный бефстроганов.

Стараясь не запачкать прокатный костюм, Патрик вернулся к столу.

– Решила сесть на диету? – осведомился он, наблюдая, как Лика доедает птицу. – Не мори себя голодом, ты и так неотразима.

– Для кого это, интересно? – Лика выплюнула косточку.

– Для всех, – коротко сказал Патрик и подмигнул. Лика вытерла руки салфеткой и отодвинула тарелку.

– Ты вроде бы не успел выпить, – нахмурилась она. – Или это переодевание ввергло тебя в такую эйфорию?

– Отчасти, – сказал Коннолли, приступая к еде. – Я надеюсь, что теперь, когда я напялил на себя этот костюм, ты будешь разглядывать и меня, а не только одного Вика.

– Что за ерунда! – воскликнула она, вспыхнув. – Ты что, ревнуешь?

– Нет, просто констатирую факты. С некоторых пор ты воспринимаешь его... внештатно.

– Вот как! И в чём, по-твоему, это проявляется?

– Ты ведёшь себя с ним не так, как раньше.

– Глупости.

– Ты стала конфузиться перед ним. В экспедиции ты не конфузилась.

– Я за собой этого не замечала. Возможно, это оттого, что я на чужой планете.

– Лика, – сказал Коннолли, – враньё – не твоя профессия.

Лика метнула на него полный бешенства взгляд.

– Ты сюда пришёл есть или издеваться? – негромко, отдельно проговорила она.

Несколько секунд Патрик глядел ей прямо в глаза.

– Лика, – сказал он, – не пытайся его захомутать. Из этого всё равно ничего не выйдет.

– Я и не пытаюсь, – бросила она и отвела взгляд.

– Надеюсь, вы не станете бить меня ногами, – раздался позади них весёлый голос Лаи, – за то, что я заставил вас так долго ждать? Разрешите представить: мой племянник, Доран Лаи.

Его спутник крутнулся на каблуках и звонко рассмеялся. Это был тощий парень с необыкновенно живым и подвижным лицом; в прошлый раз Лаи говорил, что ему четырнадцать лет, но по виду ему можно было дать все восемнадцать. Впрочем, так и должно было быть, ведь век барнардцев недолог – для них нормально умирать в пятьдесят-шестьдесят. Несмотря на землистую смуглоту и удлинённый разрез глаз, он выглядел менее экзотично, чем

его дядя – благодаря довольно высокому росту и молодёжной причёске (каре тяжёлых чёрных волос, разделённых пробором). Доран явно чихать хотел на дресс-код обеих планет – на нём был подпоясанный балахон без рукавов, феерически оранжевого цвета, который при движениях распахивался, открывая чёрные холщовые штаны, похожие на джинсы.

Столкнувшись взглядом с землянами, Доран снова засмеялся – на этот раз смущённо.
– Он не знает земных языков, – пояснил Лаи. – Говорил же я ему – учи маорийский!

Он с размаху шлёпнул Дорана ладонью между лопаток и усадил его на стул. Доран с нескрываемым любопытством посмотрел сначала на Лику, потом на Коннолли в барнардском костюме, а затем повернулся к Лаи и выпалил какой-то длиннейший вопрос. Лаи сморщил нос и ответил ему не менее длинной репликой. Речь барнардцев, состоявшая почти исключительно из отрывистых придыханий, на слух землян вообще не казалась членораздельной. И только по мимике, сходной на двух планетах, можно было понять, что Лаи отшучивается.

– Доран спрашивал меня про марсианскую экспедицию, – сказал Лаи. – А мне никак не удаётся втолковать ему, что ничего особенно героического я там не совершил. Только злоупотребил гостеприимством порядочных людей и поставил их на уши, притом без всякой необходимости.

– Не морочь ребёнку голову, – отозвался Патрик. – Результаты, из-за которых мы здесь, мы получили с твоей помощью.

– Всё так, но у Дорана превратные представления об инопланетной археологии, – с какой-то грустной снисходительностью проговорил Лаи. – Я сам в его годы был таким. Но потом, когда заканчиваешь университет, остригаешь волосы и начинаешь заниматься серьёзной работой, приходится взрослеть.

Всё относительно, подумала Лика. В глазах Мэлори Виктор Лаи был легкомысленным авантюристом. Что бы он сказал о Доране?

– Но ведь он не собирается работать в инопланетной археологии? – спросил Коннолли. Лаи потешно скосил глаза на племянника.

– Надеюсь. Он для этого не создан. Его вышибут из первой же экспедиции.

6. ПРОБЕЛ В ТЕРМИНОЛОГИИ

Марс, экспедиция D-12. 5 ноября 2309 года по земному календарю (6 сентября 189 года по марсианскому).

Состояние Мэлори в эти дни было беспокойным. С одной стороны, он испытывал облегчение оттого, что дела наконец пошли на лад – семнадцатый квадрат дал неожиданные находки, а Лаи уже на первый день после прибытия с энтузиазмом включился в работу и оказывал экспедиции незаменимую помощь в исследованиях. И всё же Мэлори не покидало чувство настороженности. Общение с Лаи не давалось ему так же легко и непринуждённо, как всем остальным. С теми барнадцами, что были в экспедиции с самого начала, проблем не возникало. Трое из них были всего-навсего стажёрами; специалистом была только Айена Иху, но её Мэлори привык не брать в расчёт. Он уже много раз вычитал ей по три балла за то, что она не снимала свои циклопические серьги, влезая в скафандр, и рисковала зацепить ими трубку водоснабжения. Но вот Лаи... Во-первых, он был мужчиной, во-вторых, как выяснилось, известной фигурой в научном сообществе. Мэлори с неприязнью к самому себе был вынужден признать, что не очень представляет, как себя с ним вести.

Он уже раз опростоволосился, когда решил показать Лаи, как работает калий-аргоновый спектрометр. На Земле и на Барнарде процесс раскопок и лабораторного анализа были разделены – ими занимались разные специалисты, да и калий-аргоновым методом датировки там пользовались больше палеонтологи, чем археологи. Для тех сроков, в которые укладывалось существование земной, а тем более барнардской, цивилизации, обычно хватало радиоуглеродного метода². Но марсианская археология имела дело с другими масштабами времени, и без калий-аргона здесь было не обойтись. Все археологические станции на Марсе были оборудованы спектрометрами – марсианские экспедиции не могли позволить себе роскошь отправлять через космос на Землю тонны образцов. Навыкам работы со спектрометром обучали на целевых курсах марсианской подготовки, по преимуществу на Земле. Всё это Мэлори изложил с присущей ему основательностью и собрался уже приступить к объяснению технических деталей, когда Лаи остановил его.

– Благодарю вас, – прервал он с абсолютно неотразимой улыбкой, – я знаю, как работать с калий-аргоновым спектрометром.

Мэлори пришлось напомнить себе, что молодая внешность Лаи – иллюзия; что он прожил чуть менее половины срока, отпущенного ему экономной природой Барнардцы, и объективно они с Мэлори были почти ровесниками. И всё же ему не удавалось побороть себя настолько, чтобы не воспринимать Лаи как мальчишку, пусть и натасканного в инопланетной археологии. И эта его непосредственность... Барнардцы вообще были непосредственны, но от доктора социогуманитарных наук (так значилась учёная степень Лаи в межпланетных документах) Мэлори подсознательно ожидал большей солидности. И где, ёлки-палки, он выучился обращаться со спектрометром?

Просмотрев ещё раз черновик отчёта, Мэлори выключил компьютер и вышел из кабинета. Обед уже давно начался.

– Носорог приплыл! – услышал он, входя в столовую. Фраза исходила от склонившихся друг к другу Коннолли и Флендерса. Кем бы ни был сказавший эти слова, он явно не особенно старался, чтобы его не услышали.

И не было смысла притворяться, будто он не знает, как его называют за спиной. Ну и пусть Носорог, снова расслабляясь, подумал он. Можешь рассматривать это как комплимент. Было бы хуже, если бы тебя прозвали Мокрицей.

– Ну что, ребята, – сказал он, взяв свой поднос в окошке и подходя к общему столу, – нам есть с чем себя поздравить?

– А то! – подхватил Патрик Коннолли. – Жаль только, что выпить нечего, кроме сока.

Он шутиливо поднял пластмассовый стаканчик с томатным соком.

– За марсиан, шеф!

– За марсиан, – согласился Мэлори и тронул его стаканчиком свой. Неважно, что звона не получилось. – Думаю, на Земле мы своё наворачиваем.

– Не факт, – сказал с другого конца стола Симон Лагранж.

– Что – не факт? – резко обернулась к нему Айена Иху.

– Не факт, что это марсиане. У нас нет никаких доказательств, что это разумные существа. Я бы не стал делать глубоких выводов на основании разрозненных костей.

– Вы считаете, что животные могли бы выжить в таких условиях? – усомнился Джеффри Флендерс. – Датировки дают семьсот миллионов лет. Тогда Марс уже мало отличался от нынешнего.

– Мы не знаем всего о способностях живых организмов, – уклончиво ответил француз. – На Земле известны бактерии-экстремофилы; возможно, на других планетах они могли стать базой для эволюции многоклеточных существ.

– Так или иначе, это первая находка сложноорганизованных форм жизни на Марсе, – с нажимом сказал Мэлори. – И им действительно семьсот миллионов лет! Да в Академии просто удавятся!

– Интуиция вас не подвела, шеф, – по-детски сияя, выдохнул Амаи Ори. – Я хочу сказать, насчёт семнадцатого квадрата...

– Пустяки, – с удовольствием потупившись, проговорил Мэлори. Ори был стажёром, а для того, чтобы поставить на место ершистого салагу, нет ничего лучше расчётливой скромности – смотри, твой шеф не зазнаётся, не зазнавайся и ты. И нельзя сказать, чтобы Мэлори был совсем неискренен, применяя этот приём – чтобы он действовал, нужно хотя бы частично верить самому себе. Мэлори отхлебнул глоток сока.

– Пустяки, – повторил он. – Так, некоторые практические соображения плюс везение... А где Виктор?

Только сейчас он заметил, что в столовой не было Лаи.

– Казак-то? – откликнулся Флендерс. – Ещё не выходил к обеду.

Казак, эхом отдалось в голове Мэлори. Везёт же некоторым с прозвищами. Казаком можно называть в лицо, Носорогом – вряд ли. Одно очко в пользу Лаи.

– Он в лаборатории, – сказала Лика Мальцева. – Обрабатывает данные.

– Пойду взгляну, – решил Мэлори. Отодвинув недоеденные сосиски, он встал. Ему не тепелось увидеть, над чем так засиделся Лаи.

Рабочий отдел на станции состоял из трёх помещений: медиа-зала с обычными компьютерами для повседневных нужд наподобие наведения справок и проверки почты; В-лаборатории с типовым оборудованием и А-лаборатории, где размещались самые чувствительные и дорогостоящие приборы, подсоединённые к уникальному суперкомпьютеру, созданному специально для инопланетной археологии и хранившему в своей памяти колоссальные объёмы данных об известных науке древних культурах. Для допуска в А-лабораторию требовалось разрешение от главы экспедиции, но в этот сезон ею почти не пользовались – не было необходимости.

Барнардец нашёлся там, где и должен был быть – в В-лаборатории. Едва переступив порог, Мэлори сразу увидел вздёрнутый нос и туго повязанную вокруг головы косынку, из-под которой сбоку виднелся кончик локона. Лаи, в белом рабочем комбинезоне, склонился над пультом и не услышал, как к нему подошёл начальник экспедиции.

– Так и напугать можно, – рассмеялся Лаи, развернувшись на вращающемся кресле. – Это ваш стиль – подкрадываться незаметно?

Мэлори взгляделся через его плечо в изображение на мониторе.

– Немного увлеклись или как? – спросил он.

– Или как, – серьёзно ответил барнардец. – Марсиане не ждут.

– Марсиане? – Мэлори оперся рукой на край стола. – Ну-ну...

– Смотрите сюда, – Лаи указал стилем на монитор. – Это бедренная кость. Все расчёты говорят о том, что эти существа были прямоходящими.

– Вы бы это Лагранжу сказали, – усмехнулся Мэлори. – Он жаждет поразить нас своим скепсисом.

Лаи махнул рукой.

– Старик упирается для проформы, – сказал он, – из суеверия, если хотите знать. Немудрено, ведь на его веку было столько разочарований.

Смотри-ка, не без удивления подумал Мэлори, а ведь он ухватил самую суть Лагранжа. Так оно и есть – при том, что они знакомы всего-то несколько дней. Интересно, подумал он, какие в этой странной голове роятся выводы насчёт всех остальных.

– Как насчёт таксономической принадлежности? – спросил он. – Это приматы?

Лаи пожал плечами.

– Костей слишком мало. И сохранность не ахти какая.

Не ахти какая, повторил про себя Мэлори, пробуя на вкус эти слова. Надо же, какой у него словарный запас... Не все англичане такое знают. Должно быть, читал старые книги. Мэлори не смог припомнить, у кого могло быть такое выражение – у Джойса? У Диккенса?

– ДНК, конечно, разрушена? – без особой надежды спросил он.

– Чудес не бывает. Всё-таки семьсот миллионов лет, и в условиях, которые трудно назвать благоприятными... Насколько мне известно, даже на наших с вами планетах образцы такой древности редко что-нибудь дают.

– Да, вряд ли есть шансы. Радиация, перепады температур...

– Нам нужно больше данных, – отвернувшись от монитора, сказал Лаи. – Наверняка там найдутся ещё останки. Тогда можно будет запустить реконструктор. Знаете что? Я думаю отправиться на раскопки с вечерней полевой сменой.

– Шли бы вы в столовую, Виктор, – дружелюбно заметил Мэлори. – А то оператор уйдёт, и ваш обед останется в морозильнике.

– Да, сейчас... – Лаи задумчиво смотрел куда-то мимо экрана. – Артур, пока не забыл.

У меня есть к вам один вопрос.

– Да? – откликнулся Мэлори.

– Боюсь, у меня пробелы в земной терминологии. Мне нужна ваша помощь.

– В чём дело?

– Что такое «казак»?

7. РОЗА

Марс, экспедиция D-12. 6 ноября 2309 года по земному календарю (7 сентября 189 года по марсианскому).

Работавшие в раскопе подняли головы, когда аэромобиль начальника экспедиции завис над ними в воздухе. Снизившись, Мэлори посадил машину в стороне и выпрыгнул на песок. С высоты дюны были хорошо видны прямоугольные ямы раскопа и команда археологов: белые скафандры землян и голубые – барнардцев, ярко выделявшиеся на красно-рыжем песке. Белых и голубых было поровну – по три. Откуда шестеро, мелькнуло в голове у Мэлори, должно быть пять человек – но тут же он сообразил, что на раскопки снова появился Лаи. Неймётся ему, подумал Мэлори, ведь он уже летал сюда вчера вечером. Хоть бы предупредил заранее...

Мэлори подключил связь ближней дистанции.

– Вызывали? – спросил коротко он. В динамике тут же отозвался голос Симона Лагранжа.

– Да. Обнаружилось кое-что значительное. Вы должны это увидеть.

– Иду, – сказал Мэлори. Скользя по осыпающемуся склону, он спустился к раскопу. Слой почвы был снят мини-бульдозером метра на два, участники экспедиции рассредоточились по разным местам, целенаправленно расчищая небольшие участки. Фигура в голубом скафандре распрямилась и помахала ему издали. По голосу он узнал Лаи.

– Здравствуйте, Артур! Прибыли взглянуть на марсиан?

– Если они не возражают, – плоско пошутил Мэлори и подошёл к краю раскопа.

– Дайте руку, – сказал доктор Лагранж, помогая ему спуститься. – Аккуратнее... Вот так. Я расчистил пока только череп – специально для вас, чтобы вы могли посмотреть. Но это несомненно двуногие. Уже четыре полных скелета, в довольно пристойной сохранности.

Мэлори присел на корточки над тёмным контуром останков неизвестного существа. При жизни оно явно ходило на двух ногах, но пропорции его были не человеческими. И хотя череп был наполовину разрушен, всё же он вряд ли походил на череп землянина или барнардца.

– Кто это? – Мэлори скovyрнул кусочек грунта рукой в перчатке скафандра. – В систематическом плане, я имею в виду?

– Я понимаю, что вы имеете в виду. Не приматоиды. Даже, по всей вероятности, не млекопитающие. Смотрите сюда.

Лагранж смахнул кисточкой пыль и осторожно вытянул обломок челюсти.

– Бог ты мой! – Мэлори замер, разглядывая находку. В кости торчали три совершенно одинаковых треугольных зуба. – Рептилии?

– Скорее всего. Они безусловно были белковыми, а значит, «закон Альварес» должен для них работать.

– А рептилии могут быть разумными?

– Вот это и есть самый большой вопрос, – Лагранж повертел в руках кость. Держать её перчатками было неудобно, и он в конце концов положил её в отделение специально приготовленного ящика. – Классическая теория интеллекта запрещает это. Считается, что скачок, ведущий к зарождению разума, возможен только при достижении определённого уровня скорости процессов в организме. Это напрямую связано с интенсивностью мыслительных операций. Рептилии, вне зависимости от объёма мозга, таким уровнем не обладают.

«А барнардцы?» – чуть не сорвалось у Мэлори с языка. Всего тридцать тысяч лет эволюции, подумал он. Температура тела тридцать восемь по Цельсию, пульс сто ударов в минуту... любопытные возможности для выводов о том, что определяет начала цивилизации.

– Некоторые динозавры были теплокровными, – припомнил он. Лагранж присел на край траншеи.

– Нельзя сказать, чтобы этого было достаточно для разумности. Вот если бы мы нашли хоть один артефакт, тогда другое дело.

– Хотелось бы, – сказал Мэлори. – Было бы обидно, если бы мы напоролись всего лишь на местное кладбище динозавров.

– Ну, динозавры – тоже неплохо. Это горы новых сведений о жизни на Марсе, да и во Вселенной как таковой...

– Да, Симон, только динозавры – дело палеонтологов, а не наше. Они будут визжать от восторга, а мы после всех трудов останемся с носом.

Мэлори отправился в другой конец раскопа, где вдвоём трудились Лика Мальцева и барнардский стажёр Миай Фоо. Они уже наполовину очистили останки от породы, и Фоо с энтузиазмом приветствовал начальника экспедиции.

– Будьте здоровы, шеф! – воскликнул он. Слегка скривившись от его лексикона (как многие говорящие на неродном языке, Фоо путал слова), Мэлори приблизился вплотную и нагнулся над останками.

– Ну как вам, Артур? – Лика разогнулась и обратила к нему сияющее веснушчатое лицо за стеклом шлема. – Думаю, вы не жалеете, что мы вас сдёрнули с места.

– Да уж, – сказал Мэлори, становясь на колени, чтобы лучше разглядеть скелет. Что за петрушка, удивился он. Строение как будто отличается... – Кажется, довольно сильный внутривидовой полиморфизм?

– Если только перед нами не разные виды, – сказала Лика. Фоо был настроен не так скептически.

– Зубы такие же, – сообщил он. – Я ходил к Симону и сверял.

– Для рептилий зубы ещё не показатель, – сухо вато проговорил Мэлори. – Хотел бы я знать, что же мы всё-таки обнаружили.

– Я бы тоже, – услышал он в динамике голос Лаи. Это было сказано по-английски. Мэлори оторвался от рассматривания костей. Барнардец стоял рядом. Чёрные глаза его живо блестели, несмотря на некоторую усталость; под шлемом на нём была вязаная шапочка с надписью Adidas (одолжил у Коннолли, догадался начальник экспедиции). Мэлори забыл, за что хотел сердиться на Лаи. Он вполне его понимал.

– Как успехи, Казак? – спросил по-английски Мэлори в нарочито приподнятом тоне. – Много накопили марсиан?

Это намеренное панибратство вышло не очень естественным, но Лаи не обратил внимания. Он только слегка усмехнулся в ответ на прозвище (ну и в дурацкое же положение поставили меня коллеги, подумал Мэлори, когда мне пришлось разъяснять ему, в чём тут дело).

– Вопрос не в количестве, а в качестве, – загадочно ответил Лаи, переходя на маорийский. Лика повернулась к нему.

– Что вы хотите этим сказать?

– Представьте себе, – Лаи обвёл рукой вокруг, – что это Земля, которую накрыло, скажем, метеоритным дождём. И мы находимся как раз на том месте, где был Лондонский зоопарк.

– Вы были в Лондонском зоопарке? – слегка удивлённо спросил Мэлори.

– Совершенно очаровательное место. Итак, предположим, что мы – инопланетяне, которые ничего не знают о человеческой цивилизации. И вот мы откапываем слона, жирафа, удава... Как вы думаете, помогает ли нам то, что количество образцов всё увеличивается?

– Я понимаю, – задумчиво сказал Мэлори. Лика снова посмотрела себе под ноги, в траншею.

– Проблема возрастания количества нерелевантной информации?

– Проблема в том, что мы не можем определить, релевантна она или нет, – резюмировал Мэлори. – Так, Виктор?

– Я бы не был так категоричен, – задумчиво произнёс Лаи, разглядывая останки. Фоо овладело беспокойство.

– Вы хотите сказать, что мы нашли зо-опарк?

– Посмотрим.

Лаи стоял над расчищенным захоронением и внимательно изучал его.

– Артур, как вы думаете, они намеренно хоронили своих покойников вниз лицом?

– Звучит диковато для землян, – сказал Мэлори. – Хотя кто знает, что могло твориться в головах у ящериц. Если только допустить, что эти ящерицы и впрямь были разумны...

– Думаю, по крайней мере *некоторые* из них были, – сдержанно возразил Лаи. – Мне тут кое-что попало. Это единственный экземпляр, который лежит на боку, и в захоронении с ним есть посторонний предмет. Я не стал это извлекать, пока вы не посмотрите *in situ*³.

– Валяйте, показывайте, – Мэлори потребовалось немало актёрского искусства, чтобы изобразить безразличие. Хотя пульс у него, наверное, взлетел в этот момент до барнардских частот. Если Лаи действительно обнаружил артефакт... ну почему именно Лаи, Гарри Поттер его в душу мать? Впрочем, скорее всего, барнардец ошибся. Мало ли какой дряни можно накопать в древних отложениях, до невозможности похожей на признаки разумной жизнедеятельности.

До захоронения, вскрытого Лаи, было всего метров шесть-семь, но эти метры показались Мэлори бесконечными. Его буквально разрывало надвое. Ему изо всех сил хотелось, чтобы предположение Лаи подтвердилось, чтобы там, возле костей древней двуногой рептилии, их действительно поджидал артефакт – но вторая его, ревнивая, часть столь же страстно желала, чтобы Лаи ошибся и никакого артефакта не было.

– Ну и что? – проговорил Мэлори, подходя к захоронению. – Не вижу признаков, что его преднамеренно положили на бок. Явные следы оползня. Тело просто перевернуло тяжестью грунта.

– Это не столь важно. Главное – вот здесь.

Рукой в негнущейся перчатке Лаи ухватил кисточку и указал ею в углубление.

– Минуту... Сейчас я очищу это, и станет лучше видно.

Остынь, одёрнул себя Мэлори, он же не сказал «артефакт». Он сказал «посторонний предмет», а это всё-таки не то же самое. Хотя в иных случаях наличие посторонних предметов уже говорит о разумной деятельности. Например, о жертвоприношении...

Лица и Фоо сопели в динамики, стоя у него за спиной. Все трое с интересом следили, чем занимается Лаи. Он выскребал ножом комочки породы из области грудной клетки «марсианина». Потом отбросил нож и снова взялся за кисточку.

– Смотрите.

Археологи наклонились к тому, на что он показывал, чуть не стукнувшись колпаками шлемов. Лаи смёл остатки пыли. Возле рёбер скелета виднелось странное округлое включение тёмного камня. Похожих минералов поблизости не было.

– Как вы думаете, что это? – спросил раздумавшийся от возбуждения Лаи. Мэлори попытался пожать плечами, но в скафандре это движение вышло малозаметным.

– Какая-то конкреция.

– Конкреция? Не думаю. Я не геолог, но, по моим представлениям, конкреции не встречаются настолько изолированно... Разрешите выкопать?

– Обождите чуток, – сказал Мэлори, настраивая камеру на шлеме, чтобы сделать снимок объекта *in situ*. Когда видеоискатель спустился к его глазам, он сумел разобрать, что выступающий край «конкреции» отчётливо линзообразной формы. Неужели?! Камера пискнула; нажатием кнопки Мэлори убрал видеоискатель.

– Копайте, – отрывисто сказал он. Лаи принялся расширять углубление, чтобы извлечь свою находку. Чужая шерстяная шапочка была велика ему и сползала на глаза; в скафандре он не имел никакой возможности её поправить. Вид этой сползающей шапочки почему-то ещё больше изводил Мэлори; он едва смог дождаться, пока Лаи отделит загадочную вещь от грунта и счистит с неё приставшую пыль. По мере того, как он заканчивал свою работу, напряжение на его лице росло. В отличие от Мэлори, он и не думал скрывать волнение.

– Вот, – он разжал руку. – Смотрите.

Лица Мальцева молча стояла с приоткрытым ртом. Мэлори бесцеремонно схватил руку Лаи и притянул к себе, всматриваясь в предмет, лежавший на запачканной голубой перчатке.

Правильный выпуклый диск из тёмного камня, с прорезанными на нём желобками, которые складывались в рисунок концентрически расходящихся лепестков цветка. Первым нарушил молчание Фоо.

– Чего это? ик! – от потрясения он заглотнул воздух и теперь икал внутри скафандра. – Чего это такое?

Лица завороченно притронулась к находке.

– Как будто... роза.

– Ну что ж, – Мэлори дёрнул уголком рта. Икание Фоо неприятно отдавалось в динамике, прямиком по барабанным перепонкам (ближняя связь была запрограммирована на усиление слабых звуков). – Похоже, и впрямь артефакт... Миай, чёрт бы вас побрал, попейте воды.

– Он не может, – сказала Лица. – Он давно выпил весь баллончик.

– Ох уж эти стажёры... – бросил Мэлори. Лаи смотрел на него с улыбкой, держа на ладони «розу».

– Так что вы про это скажете, Артур?

Мэлори сосредоточился, тщательно подбирая слова.

– Скорее всего, вы правы. Но для решающих выводов нужны более полные исследования. Для начала поискать другие образцы, провести сравнение...

– Прекрасно, Артур. Монография вам обеспечена.

Везение, думал Мэлори, всего лишь везение. Если бы не оползень, перевернувший тело, фиг бы он нашёл эту розу. Фортуне вздумалось потрафить Лаи, а он словно и не понимает этого; будто марсианский артефакт – это стеклянный шарик, которыми обмениваются школьники. Уж Мэлори-то на его месте позаботился бы о своём научном приоритете... Какое дело, впрочем, ему до того, как ведёт себя Лаи, раз они нашли марсиан. Они нашли марсиан!!!

Ещё вчера они сомневались в том, что им попались разумные существа. Сегодня они не только уверены в этом почти стопроцентно, но уже располагают кое-какими данными о марсианском искусстве и погребальном обряде... В голове у Мэлори закружился вихрь беспорядочных мыслей. Он снова ощутил себя археологом – действительно археологом, а не администратором. Главное – публикации, подумал он, нужна статья на эту тему – его собственная, а не просто заверенная от его имени. Он уже представлял, что он напишет...

– Артефакт, вы говорите?

К ним уже спешил Лагранж. Он услышал их разговор по ближней связи. Великоват радиус действия, раздражённо подумал Мэлори, надо будет уменьшить. И так Фоо икает всем в приёмники. Он представил себе шесть шлемов, содрогающихся изнутри от икоты стажёра, и ему стало весело.

– Дайте-ка взглянуть, – сказал француз, подходя к Лаи. – Вот так штука...

– Как вы оцениваете вероятность того, что это природный объект? – с деланной официальностью спросил Мэлори. Лагранж поднёс находку к самому стеклу шлема, приблизив к глазам, насколько это было возможно.

– У природы бывают странные способы производить на нас впечатление... Но всё-таки больше похоже на искусственную обработку.

– Значит, придётся пересмотреть теорию интеллекта?

– Или систематику, – спокойно заметил Лагранж. – Возможно, мы ошиблись и они на самом деле не пресмыкающиеся.

– Этим пусть займется палеонтологи, – сказал Мэлори. – Мы свою задачу выполнили – нашли марсиан.

– Или марсиане нашли нас, – радостно добавил Фоо. Лица смерила его чуть ироническим взглядом.

– Думаешь переквалифицироваться в марсофила, Майи-кол?

Участники экспедиции, включая Мэлори, дружно расхохотались. Чужачество восемнадцатилетнего Фоо состояло в пристрастии ко всему земному. Он не только стригся под полубокс и притащил с собой на станцию диск с несколькими сотнями земных кинофильмов (разумеется, с маорийскими субтитрами), но и попытался сменить своё весьма распространённое барнардское имя – Миай – на более эффектное, как ему казалось, «Майкл». Единственная проблема состояла в том, что он не мог это произнести. В результате в первые дни своего пребывания на станции он представился одним коллегам как «Майи-кол», а другим – как «Майихил», а кроме того, вызвал сбои идентификационных систем, пытаясь ввести в них вымышленное имя, за что был нещадно оштрафован Мэлори на двадцать пять баллов.

– Поживём – будем увидеть, – пошутил Фоо, от смущения тут же прекративший икать.

Работавшие вдали Джеффри Флендерс и Айена Иху оторвались наконец и присоединились к ним. Разгорелся бурный диспут. Флендерс и Лагранж строили догадки, каким способом нанесены углубления; Айена выхватила у Лаи находку и быстро-быстро залопотала по-своему, причём Фоо тут же встрял и начал пылко что-то доказывать. Всё это уже мало интересовало Мэлори. Он чувствовал, что на данный момент его задача выполнена. Галдэж становился невыносимым. Какое счастье, что я могу это отключить, подумал он. И в самом деле, разве он не заслужил немного покоя после успешной работы?

Так что Мэлори нажал кнопку, и воцарилась тишина. По крайней мере, внутри его шлема.

8. ДУРНАЯ ПРИМЕТА

Барнарда, 14 декабря 2309 года по земному календарю.

– Абзац, – по-русски вслух сказала Лика, стоя над раскрытым чемоданом. Деловой костюм, на который она возлагала такие надежды, приходилось похерить – не очень удачное дополнение к цветочному венку. В конце концов она остановилась на юбке в шотландскую клетку и льняном вязаном джемпере. На её взгляд, это был приемлемый компромисс между земными и барнардскими представлениями о респектабельности.

Лика надела юбку и джемпер, расправила их перед зеркалом. Пожалуй, сойдёт, подумала она. Так, волосы придётся распустить – веночек на пучок не налезает. Но это уже не самое страшное...

Она стала вынимать шпильки. Ни с того ни с сего в дверь постучали.

– Кто там? – вздрогнув от неожиданности, спросила Лика.

– Простите меня ради бога... Вы одеты? Вы можете открыть?

– Минуту, – коротко ответила она. Акцент она узнала сразу. Выдернув последнюю шпильку, она провела расчёской по волосам и направилась к двери.

Как и следовало ожидать, за дверью обнаружился Лаи – в белоснежной рубашке, благоухающий лосьоном после бритья. Для полного парада не хватало только головного убора и косынки на шее.

– Извините, – выдавил Лаи. – Некоторые затруднения... Мне нужна ваша помощь.

Лика обомлела. Лаи волновался! Несгибаемый маленький барнардец, не боявшийся ни чёрта, ни начальника экспедиции, запросто готовый рискнуть жизнью, чтобы проверить правильность своей гипотезы, впал в заурядный стресс перед докладом. Он смотрел на неё умоляющими глазами.

– Я запутал шнурки, – трагическим шёпотом сообщил он. Лика перевела взгляд на его ноги. Шнурки на левом сапоге болтались бесформенным комом из петель и узлов.

– Гм, – озадаченно сказала Лика. – Чем я могу вам помочь?

– У вас должны быть заколки, – уже решительнее сказал Лаи. – Заколкой можно подцепить...

Надо же, с лёгким удивлением подумала Лика, он заметил её шпильки. И удержал в памяти... Она махнула в сторону пуфика.

– Да сядьте вы. Сейчас попробуем что-нибудь сделать.

Вот так всегда, подумала она, отходя к зеркалу за шпилькой. Человек может летать на Марс и спускаться в глубины океана, но стоит ему потянуть не за тот конец шнурка, как он остаётся в столь же беспомощном положении, как и его предки много веков назад. И для распутывания шнурков по-прежнему не придумано ничего лучше шпильки.

– Благодарю, – сказал Лаи, принимая из её рук шпильку. Он сидел на пуфе так, как может сидеть только барнардец – очень прямо, словно его затянули в корсет. Он почти не наклонился для того, чтобы заняться шнурком.

– На вас была вся моя надежда, – улыбнулся он, орудуя шпилькой. – Представляете, какой конфуз перед пленарным заседанием? О, кажется, пошло...

Лаи уверенно распустил последний узел и церемонно возвратил шпильку Лике.

– Не знаю, что бы я без вас делал.

Он зашнуровал сапог и поднялся.

– Я подожду вас с Патриком у выхода, – прибавил он.

После того, как за ним закрылась дверь, Лика секунду стояла в растерянности. Она никогда раньше не видела его таким. Хотя – кто знает, что творилось у него внутри тогда на Марсе? Зная, что стояло за тридцатью страницами доклада, не удивишься, что он психанул под самый конец...

В номере стоял незнакомый запах. Лика не сразу сообразила, что это лосьон Лаи. Многовато лосьона, досадливо подумала она, похоже, он и затылок протирает. Резким движением протянув руку к кондиционеру, она переключила режим очистки воздуха на более мощный. Затем надела цветочный венок, пристегнула к поясу скатку с портативным компьютером и вышла.

Лаи дожидался её у выхода в парк, один. Коннолли всё ещё не было. Барнардец поглядывал на часы.

– Куда же Патрик запропастился? – пробормотал он. – Мы опоздаем.

– Виктор, до открытия заседания ещё час, – Лика сунула ему под нос программку. – Вы слишком нервничаете.

– Возможно, – согласился Лаи, сразу обеими руками расправляя узел шейного платка. Лика заглянула ему в лицо.

– Вы боитесь, что вас спросят... про то, что вы не хотите рассказывать?

– Я же отлично понимаю, что скверно поступил тогда по отношению к Мэлори, – сказал Лаи. – А дивиденды в итоге достались мне.

И что он за существо, в который раз поразила Лика. Он чуть не погиб тогда на Марсе, а думает о том, как он поступил с Мэлори.

– «Скверно»! Всё никак не отучитесь говорить языком старинных романов. Только Мэлори не оттуда герой.

– Кто знает, – неопределённо произнёс Лаи. Желая отвлечь его, Лика облокотилась на балюстраду и стала разглядывать парк.

– У вас отличные оформители, – сказала она. – Смотрится чудесно. Особенно вон та скульптура.

– А, – небрежно отмахнулся Лаи. – Обыкновенная копия. Откуда в гостиничном парке возьмётся подлинник Миая Эйи?

Имя ничего не говорило Лике. С завтрашнего дня засяду за изучение истории барнардского искусства, подумала она. И, чтобы как-то поддержать беседу, спросила:

– Эта статуя условная или кого-то изображает?

– И да и нет, – с юмором ответил Лаи. – Видите ли, теоретически это Науит, герой древнего эпоса.

– А практически? – подыграла Лика. Статуя представляла коленопреклонённую фигуру воина в латах, опиравшегося на меч. Взор его был устремлён вниз; пышная волнистая прядь, украшавшая его голову, спускалась до пояса и как бы развевалась на ветру. Копия не копия, но Миай Эйи, очевидно, здесь то же самое, что у нас Донателло, подумала Лика.

– Практически? Во-первых, никто ещё не доказал, что Науит вообще существовал, – Лаи вскарабкался на балюстраду и уселся, цепляясь носками сапог за каменные столбики – ловко, как подросток. При этом он ухитрялся сохранять свою барнардскую осанку.

– Ну, это можно сказать про девять из десяти персонажей в искусстве, – возразила Лика.

– А во-вторых, – продолжал Лаи, сидя спиной к статуе, – доспехи совершенно неправильные. Таких вообще никогда не бывало. И в ту эпоху не носили локон чести. Тогда выбривали только виски, а волосы собирали в узел.

– Виктор, вы археолог до мозга костей, – засмеялась Лика. Лаи бросил на неё лучистый взгляд из-под густых тёмных бровей.

– То есть зануда?

– Разве я это говорила?

Сидя на балюстраде, он оказался чуть выше её и мог рассматривать её сверху вниз.

– Хороший выбор, – галантно произнёс он.

– Вы о чём?

– О цветах. Очень благородные цветы, они вам идут.

– Надеюсь, – смутилась Лика, потрогав веночек из белых душистых звёздочек. Вдруг он увидел, как улыбка сошла с её лица.

– Виктор... Что там делается? Похоже на несчастный случай...

Её расширившиеся зрачки уставились куда-то в пространство за его спиной. Он спрыгнул с балюстрады и поставил локти на мрамор, присматриваясь.

– Кажется, кому-то стало плохо, – негромко ответил он.

Под самой статуей Науита собралась небольшая толпа, обступившая женскую фигуру на земле у постамента. Рослая для барнардки, пожилая брюнетка в голубом плиссированном платье пыталась подняться, потом схватилась за сердце и снова осела на песок. Люди вокруг тревожно переговаривались.

– Почему нет врачей? – испуганно прошептала Лика. – В парке есть камера наблюдения?

– Разумеется, как во всех общественных местах... Вот они.

Лаи указал на слетевший с крыши гостиницы аэромобиль. Машина приземлилась на дорожке в нескольких шагах от места происшествия. Дверца распахнулась, и оттуда вылезли двое с чемоданчиками.

Лаи привалился к балюстраде. Лика продолжала следить за происходящим в парке. Двое стояли на коленях, из-за них едва виднелось разметавшееся по земле голубое платье. По лицам людей вокруг Лика угадала худшее.

– Ох, Виктор...

– Что? – обернулся он.

– Боюсь, они не успели.

Оба перевесились через балюстраду. Медики держали руки раскрытыми ладонями кверху. Лика неоднократно видела этот жест в барнардских кинофильмах и знала, что он означает. Толпа подавленно расходилась.

– Умерла, – сказал Лаи. Он был бледнее обычного. Двое врачей поднялись с колен, один из них сходил к машине за носилками, и они стали укладывать тело. Дальнейшего Лика не видела. Она отвернулась.

– Дурная примета, – вдруг сказал Лаи. Он смотрел вниз, себе под ноги. Потом поднял руку и механическим движением поправил красно-жёлтую шапочку, и без того безукоризненно сидевшую на его бритом черепе. Барнардские мужчины не обнажают головы, чтобы почтить мёртвых. Они вообще не снимают головных уборов на публике – разве что в единственном случае, настолько страшном, что землянам про это даже думать нельзя... Как раз такой случай произошёл в экспедиции на Марсе.

– Дурная примета? В смысле – встреча с покойником?

– Не могла она выбрать более подходящее время, чтобы умереть, – вместо ответа обронил Лаи, пиная столбик балюстрады. Лика поняла, что на него снова находит.

– Почему именно перед пленарным заседанием? – мрачно сказал он. – Не очень ободряет, когда перед твоим выступлением у тебя на глазах кто-то умер.

– Заждались? Простите, ребята, задержался...

Патрик Коннолли сбежал к ним по ступеням, на ходу сворачивая компьютер и стараясь затолкать его в трубку у пояса.

– Что это с вами? Вы как в воду опущенные...

– Ничего особенного, – натянуто усмехнулась Лика. Коннолли подозрительно глянул на них.

– Ничего особенного?

– Да, всё в порядке, если не считать того, что здесь только что прямо перед нами умер человек.

Коннолли понял, что она не шутит. Не зная, что сказать, он повернул голову в сторону Лаи. Некоторое время слова не шли у него с языка.

– Кто умер? Отчего? – глупо спросил он и сам застыдился глупости своего вопроса, но никто не заметил этого.

– В парке. Старуха, – сказал Лай. – Упала вон там, возле памятника. Сердечный приступ. Медицинская служба не успела.

– А, – сказал Коннолли. – Понимаю... – Потом прибавил: – Но ведь вы всё равно ничем не могли помочь...

– Не в этом дело, – сказала Лика.

– Ладно, – вздохнул Коннолли. – Пойдёмте, за нами уже пригнали машину.

9. НЕСОВМЕСТИМЫЕ ПАРАМЕТРЫ

Марс, экспедиция D-12. 7 ноября 2309 года по земному календарю (8 сентября 189 года по марсианскому).

Больше всего на свете Мэлори ненавидел свой «волевой подбородок». Этому подбородку мог бы позавидовать любой актёр древних вестернов – выступающая, твёрдо очерченная кость, круто вогнутая впадина под нижней губой, глубоко прорезанная вертикальная ложбинка по центру. Но природа лгала без зазрения совести. Этот подбородок изображал то, чем Мэлори не был. И он стыдился своего лживого, самозванного подбородка, как стыдятся родственника, пойманного на подделке древнегреческой керамики. Это была одна из причин, по которой он так и не смог полностью привыкнуть к необходимости бриться и чистить зубы в присутствии женщин – особенность станционного быта, вызывавшая у него острую идиосинкразию.

Марсианские станции не могли позволить себе два отдельных банных помещения для женщин и мужчин. Предбанник с рядом умывальников и малых сушилок был общим; сами же душевые кабины были непрозрачными, рассчитанными на одного человека и потому не оскорблявшими ничьей скромности. Зайдя в кабину, участник экспедиции просто складывал одежду в герметичную нишу в стене, а после душа обсыхал под мощным потоком специально разреженного воздуха (на время этой процедуры был предусмотрен кислородный шланг для дыхания, но некоторые обходились и без него). Так что каждый одевался, не покидая кабины. Но более мелкие нужды, вроде умывания, неизбежно сводили их вместе в предбаннике.

Мэлори не любил необходимость бриться в присутствии женщин потому, что она становилась с другой, более объективной необходимостью смотреться в зеркало. Он опасался, что его заподозрят в любовании собой. Он и сам не раз замечал за собой, что он изучает себя в зеркале слишком придирчиво, и ему казалось, что эта придирчивость воспринимается со стороны превратно.

Именно по этой причине Мэлори приучился вставать ровно в 6.30 – на полчаса позже, чем станционный персонал, и на полчаса раньше, чем остальные археологи⁴. И всё же он напорлся возле умывальников на Риту Кертис, оператора пищеблока. Рот её был полон зубной пасты, брызгавшей во все стороны; вместо приветствия она пробубнила что-то сквозь щётку. Мэлори коротко кивнул ей и прошёл к самому дальнему умывальнику.

В очередной раз взглянув в зеркало, он подумал, что подбородок ковбоя – ещё не самый худший вариант. Разумный Дизайнер, если только он существовал, вполне мог бы в приступе дурного настроения наградить его скошенным назад подбородком блажененького. А так – пожалуй, даже лучше, что люди, встречающие его впервые, не сразу могут его раскусить. В конце концов, лучший повод держать марку – стремление соответствовать своей внешности.

Скептический голос изнутри нашёптывал ему, что именно это ему и не удаётся. Но Мэлори загасил его по мере возможности. Он оглянулся через плечо – Риты уже не было. Он поднёс руку к носику дозатора. Сработал фотоэлемент, дозатор дзынькнул и выплюнул ему в ладонь прозрачную кляксу геля для бритья. Не отпустить ли бороду, подумал Мэлори на мгновение. Он бы давно отпустил, если бы не уверенность, что с бородой он будет выглядеть смешно. И так лысина намечается, а если к этому ещё прибавится борода, у него точно будет вид старпёра – в его-то сорок восемь.

– Доброе утро, Артур!

Кого ещё там принесло, раздосадованно подумал он, оборачиваясь, хотя уже знал, кого.

Возле соседней мойки стоял Лаи. Господи, этому-то зачем понадобилось вставать на полчаса раньше? Он был без блузы, в белой футболке; через плечо его свисало полотенце в лег-

комысленный красный цветочек. Привёз с собой, догадался Мэлори. На станции полотенце не выдавали, экономя расходы воды на стирку – вода оставалась на Марсе главной проблемой. Стирка полотенца с частотой, необходимой по гигиеническим нормам, значительно увеличила бы нагрузку на водоочистную систему. На случай поломки сушилок на станции держали бумажные полотенца, но ими не так часто приходилось пользоваться.

Мэлори повторил свой ответный кивок, теперь уже в адрес барнардца. Ему понравилось, что Лаи был небрит и в футболке. В таком виде он был как-то понятнее. Мэлори с неудовольствием подумал, что через час в столовой окажется прежний Лаи – подтянутый и, при всей своей улыбочности, непроницаемый. Да, он оставался непроницаемым, хотя подружился со всей экспедицией и хотя Коннолли называл его «Вик».

Больше не глядя на Лаи, он наконец поторопился закончить бритьё. Он не имел представления о том, что он только что совершил nepозволительную грубость. По барнардскому этикету, никакая субординация не отменяла обязанности полноценно отвечать на приветствие. Будь на месте Лаи меньший знаток земных нравов, он бы обиделся. Но Лаи впервые попал на Землю в пятнадцатилетнем возрасте и успел извлечь для себя кое-какие уроки. Ему пришлось ко многому привыкнуть с тех пор. Поэтому он просто усмехнулся и стал оборачивать полотенце вокруг шеи.

– Привет, – сказал Коннолли, подходя к сидевшему за пультом. Концы лабораторной косынки, стянутой элегантно́м узлом, порхнули, когда Лаи повернул голову. Барнардец лихо оттолкнулся ногами от пола и развернул своё кресло навстречу Коннолли.

– Привет, Патрик.

– Как всегда, по уши в работе?

– Не так много мне для этого надо работы, – широко улыбнулся Лаи. – Мои-то уши расположены на тридцать сантиметров ниже твоих.

– Интересная у тебя математика, – ответил Коннолли. – Тогда почему это мне всё время кажется, что я завален с головой?

– А ты встань с четверенек, – Лаи подхватил стило и указал им через плечо. – Тут есть к чему припрячь мозги.

Эта его неожиданная грубоватость была в новинку Патрику и вызвала у него прилив симпатии. Да какой он, к лешему, инопланетянин, подумал Коннолли, умиляясь его акценту. Нормальный парень, как все... Понормальнее некоторых с земными данными в документах.

– Вик, – поинтересовался он, – сколько новых слов ты учишь в день?

– Сейчас не очень много, – охотно ответил Лаи, – не больше пятидесяти. Времени нет. Гляди...

Он отъехал вместе с креслом в сторону, чтобы не загромождать экран. На зелёном фоне светились модели «розы», снятой в нескольких ракурсах. Справа высилась колонка данных.

– Это результаты трёхмерного сканирования. Патрик, это не просто артефакт. Это продукт технологически развитой цивилизации.

– Да ну-у?! – фальшиво протянул Коннолли, хотя понимал, что у них нет оснований не верить своим глазам. Лаи увеличил масштаб.

– Боишься сглазить? Напрасно. Несомненные следы обработки. Похоже на высокоточный станок.

Коннолли оторвался от экрана и плюхнулся в свободное кресло поблизости. Кресло отозвалось дробным скользким стуком – разболтались шарниры.

– Тянет на Шлимановскую! – Патрик потянулся и сцепил руки за головой. – Пора подумать о церемонии вручения. Ты приготовил фрак?

Лаи расхохотался и одним толчком придвинул своё кресло к креслу ирландца.

– Не думаю, что мне пойдёт фрак. Я бы ограничился чёрным костюмом. Да и тебе советую.

Коннолли вытянул ноги далеко вперёд и шутливо пнул кресло, без особых усилий вернув Лаи на его место у стола. Барнардец ловко извернулся, чтобы не угодить локтем в пульт.

– Полегче, Патрик. У тебя эйфория зашкаливает.

– Это оттого, что выпить нельзя, – сказал Коннолли, елозя собственным креслом по полу. – Ладно, на Земле мы это компенсируем.

Он прикрыл глаза.

– Первым делом, как прилетим – скотч, годиков на пятнадцать. Не это надувательство, которое продают в космопортах под наклейкой «виски». «Искусственно состаренный виски»! Это ж надо было додуматься!

Лаи сочувственно подмигнул ему.

– Ну, тот фой-ири, который продаётся в *наших* космопортах, тоже делают не совсем из семи сортов ягод...

– Везде одно и то же, – элегически заключил Коннолли. – А ты что любишь?

– Бренди, – томно сказал Лаи, и глаза его чуть затуманились явно приятным воспоминанием. – Это единственное, в чём я не патриот.

Коннолли беспокойно поглядел на монитор за его спиной.

– Слушай, Вик, а ты уверен, что ошибка исключена?

– Машина не ошибается, – беспечно сказал Лаи. – Я не домысливаю ничего сверх того, что заложено в ваши базы данных.

– Честно говоря, не очень понятно... Как, по-твоему, это совмещается – высокоточный станок с примитивным погребальным обрядом?

– А почему бы и нет? Многие народы блюдут свои традиции на любом технологическом уровне развития. Да вот взять хотя бы ваших парсов – они до сих пор скармливают своих покойников хищным птицам.

– Фу, – Коннолли передёрнуло. – Откуда у тебя такие познания о парсах?

– От попутчика на одном из обратных рейсов с Земли. Кажется, он был из Новой Зеландии. Пока мы были в свёрнутом пространстве, он мне рассказал про свой бизнес – он, оказывается, разводит экологически чистых грифов и продаёт их парсам для погребальных нужд.

– Патрик, – позвали сзади. Голос был настолько глухой и робкий, что Коннолли не сразу сообразил, кто это может быть. Но стоило ему повернуться, как он сразу увидел Эрику Йонсдоттир.

Она стояла, как всегда, с опущенной головой, засунув руки в карманы комбинезона. Она так редко первой обращалась к коллегам, что Коннолли безошибочно определил внештатность ситуации.

– Ну, что там у тебя? – недовольно откликнулся он. – Что-нибудь зависло?

– Не знаю, – без интонации произнесла Эрика. Её желтоватое припухшее лицо было безразлично, косынка надвинута до самых глаз. – Реконструкция не сходится. Я хотела попросить, чтобы ты взглянул.

– Ладно, – Коннолли выбрался из кресла. – Видишь, Вик, девчонки без меня никак. Придётся помогать.

Эрика молча проводила его к своему рабочему месту. Уж не страдает ли она аутизмом, подумал Коннолли. Бывают же такие клуши – сутками не скажет ни слова, в глаза никому не смотрит, а похоже, что и в зеркало. Коннолли не знал, что женскому составу экспедиции гораздо больше известно о причинах замкнутости Эрики.

Возле компьютера их дождалась Лика Мальцева, к которой присоединился Амаи Ори. Юный стажёр проверял подключение трёхмерного сканера.

– Брось, Амаи, бесполезно, я же говорю, – пыталась увещевать его Лика. – Сканер работает.

– Надо же докопаться, в чём проблема, – упрямо отвечал Ори, ковыряясь в системном меню. У него была слабость к электронике, хотя иногда после его манипуляций приходилось прибегать к услугам станционного программиста, за что Ори уже досталось немало штрафных. Коннолли подошёл к ним вслед за Эрикой.

– Что не работает-то?

– Если б мы знали, – сказала Лика. Ори оторвался наконец от экрана. Он взмок от усердия, кудри выбились из-под съехавшей набок косынки и свисали влажными спиралями.

– Контакт есть... – беспомощно развёл он руками. – Сигнал от сканера идёт.

– Ещё бы он не шёл, – ответила Лика. – Сканер исправен. Я проверяла его на отпечатках наших рук в пластилине.

– Так в чём же дело? – Коннолли не понимал, что от него требуется. Лика вздохнула.

– Реконструктор зависает, как только мы вводим параметры марсианских останков. Эрика, покажи ему.

Исландка, не говоря ни слова, тронула стилем надпись в меню: «Повторить». Экран пошёл какой-то сине-белой рябью, а затем высветился розовый квадрат, гласивший:

«Запрещённые параметры или неверный ввод. Ошибка системного характера».

– Так, – сказал Коннолли, соображая, чем может быть вызван сбой. – А что у вас в сканере?

– Сейчас – ничего. Мы сняли данные с четырёх скелетов и сохранили их для ввода.

– Жвачка у кого есть?

Эрика пошарила по карманам и протянула ему сильно замусоленную и обтёртую упаковку. Разорвав бумагу, Коннолли смял пластинку и запихнул её в рот. Когда он решил, что жвачка прикушена достаточно глубоко, он вынул комок изо рта, положил его на чистую бумагу, откинул дверцу сканера и вдвинул лист внутрь.

– Пускайте, – сказал он. Ори снял параметры и ввёл их в реконструктор. Цвет монитора мгновенно сменился на тёмно-синий, и на нём вспыхнула ярко подсвеченная объёмная модель коренных зубов человека разумного мужского пола. Модель вышла не во всём безупречной, но всё же для таких исходных данных степень приближения была великолепна.

– Ты что-нибудь понимаешь? – Лика во все глаза уставилась на изображение. Коннолли запустил пальцы под косынку на затылке.

– Пока не очень... Слушай, а что, если у него зависла функция усреднённых параметров? Вот и объяснение.

– Не годится, Архимед ты наш, – со вздохом сказала Лика. – По отпечаткам рук он прекрасно берёт усреднённые данные.

– И всё-таки попробуй ввести каждый скелет по отдельности, – посоветовал Коннолли.

– Попробуем, а что нам ещё осталось? Амаи, давай, что ли, номер второй – у него сохранность лучше.

– А почему вообще вам понадобились усреднённые данные? Из-за сохранности?

– В том-то и дело. Скелеты всё-таки не совсем полные. Где не хватает позвонков, где других костей. Мы с Эрикой решили, что для максимальной точности нужно учесть все образцы, которые уже подготовлены к сканированию.

– Вы только гляньте, – сипло сказала Эрика. Она нависала над Ори, склонившись через его плечо. Барнардец растерянно насвистывал сквозь зубы.

– Так вот, значит, они какие, – наконец проговорил он и отложил в сторону стило.

Существо, отобразившееся на экране, было не слишком привлекательно. Оно стояло на двух ногах и не имело хвоста, но всё же больше походило на ящера, чем на человека. К тому

же его тело было сгорбленным и асимметричным, левое плечо опущено много ниже правого, и на левой руке только три пальца, тогда как на правой было четыре.

– Мутант какой-то, – неприязненно сказал Коннолли. – Похоже, и впрямь реконструктор глючит. Только почему исключительно на марсианах?

– Вряд ли его глючит... – задумалась Лика. – У этого экземпляра не хватало именно рёбер с левой стороны и пальца на левой руке.

– Но ведь программа рассчитана на то, чтобы корректировать утери?

– Значит, она не воспринимает эти дефекты как утери, – заявил Ори. – Как говорят у вас на Земле, машина дура, но честная.

– Хочешь сказать, что наш марсианин таким родился? – Лика недоверчиво взглянула на изображение. – Не очень похоже на нормальный живой организм.

– А с чего это мы взяли, что он обязан быть нормальным?

Все удивлённо оглянулись на Эрику. Её прорвало; она прохаживалась взад-вперёд, сцепив руки за спиной, и взгляд её был сердитым. Ничего себе; оказывается, у неё есть выражение лица, подумал Патрик.

– Как это – обязан быть нормальным?

– А так. Может, мы раскапываем дом инвалидов. Да и вообще, что мешает первому найденному нами марсианину оказаться уродом? Мы даже не знаем, отчего они вымерли. Но то, что уничтожило целые города, вряд ли способствует размножению фотомоделей.

– Эрика права, – сказала Лика. – Мы как-то упустили из виду связь между этими звеньями. Метеоритный удар, ядерная война, экологическая катастрофа – что бы это ни было, оно должно было отразиться на здоровье населения.

– Ясно теперь, почему реконструктор зависает, – произнёс Ори. – Если бы у нас была большая выборка... А тут, когда их всего четыре, достаточно одного уroda, чтобы сбить программу.

– Ну да. Раз анатомия не сходится, то, с точки зрения компьютера, перед нами разные виды, а то и отряды. Вот он и протестует против усреднения параметров. Вычислите-ка среднее между обезьяной и утконосом!

– Давайте посмотрим остальных, – нетерпеливо сказал Коннолли.

Ори поколдовал над файлами, и компьютер выдал образы ещё трёх созданий, одно другого уродливее. Археологам едва хватало места перед экраном, они дышали друг другу в уши, наклоняясь через голову стажёра. Наибольший сюрприз преподнёс раздробленный череп, найденный вчера Лагранжем. Программа старательно восстановила его целостность, и было отчётливо видно, что у марсианина три глаза – два обычных и теменной, как у древних пресмыкающихся Земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.